

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-70-107>

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 27.09.2021
Принята к публикации: 26.11.2021

Низами Абдуллаевич САФАРОВ

Национальное Собрание Азербайджанской Республики

Парламентский проспект, д. 1, Баку, AZ 1152, Азербайджанская Республика

nizami.s@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-4763-4337

ПРАВОСУДИЕ ОТ ИМЕНИ ШЕСТИ МИЛЛИОНОВ ОБВИНИТЕЛЕЙ: ДЕЛО «THE ATTORNEY GENERAL OF THE GOVERNMENT OF ISRAEL V. ADOLF EICHMANN» В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

ВВЕДЕНИЕ. Уголовное преследование Адольфа Эйхмана, одного из наиболее разыскиваемых военных преступников, фигурировавшего в числе главных «архитекторов» «окончательного решения еврейского вопроса», вызвало целый ряд проблем политического, правового характера и этического характера. При этом судебное разбирательство по делу А. Эйхмана было беспрецедентным в долгой истории международного уголовного права в силу целого ряда обстоятельств. Хотя многие лидеры нацистского режима предстали перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге, массовые убийства и другие вопиющие преступления против Еврейского народа не стали основным предметом уголовного разбирательства, а некоторым организаторам систематического истребления евреев населения удалось скрыться от ответственности. В этом отношении преследование и наказание одного из главных виновников геноцида еврейского населения явилось одной из самых важных задач государства Израиль.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Теоретическую основу исследования составили работы ведущих юристов-международников, специализирующихся в области

международного уголовного права, а также международной выдачи преступников; аналитическую базу – решения Нюрнбергского международного военного трибунала, национальных судов государства Израиль, включая знаковое решение *The Attorney General of the Government of Israel v. Adolf Eichmann*, а также решения национальных судов США, приведенных в статье в целях компаративного анализа. Основными методами исследования являются: исторический метод, методы формальной логики, включая анализ, синтез и аналогию, а также системный, сравнительно-правовой методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. На основе исследования международно-правовых актов, международной судебной практики, а также национально-го законодательства и практики судебных органов государства Израиль, автором формируются выводы, связанные с установлением видов уголовной юрисдикции, похищением обвиняемых с территории иностранных государств, его последствия в виде нарушения суверенитета государства. Вместе с тем, в статье указывается, что обстоятельства ареста и способ доставки не рассматриваются в

качестве релевантных обстоятельств, которые могли бы препятствовать осуществлению уголовной юрисдикции. В контексте осуществления правосудия на А. Эйхманом автор анализирует отдельные положения Конвенции о статусе беженцев от 14 декабря 1951 г.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. В ходе проведенного исследования автор проанализировал значительный объем материалов, обобщил доктринальные позиции, выдвинутые рядом выдающихся ученых-международников, а также сформировал вывод о том, что суд над Адольфом Эйхманом ознаменовал собой не только осуществление правосудия над геноцидарием, но и предоставил еще одну возможность широкой международной огласки вопиющих преступлений нацистского режима и необходимость объединения коллективных усилий государств для избавления будущих поколений от подобных злодеяний.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международное уголовное право, военные преступления, геноцид, преступле-

ния против человечности, уголовное преследование, Международный военный трибунал в Нюрнберге, Холокост, экстрадиция, насильственное похищение, универсальная юрисдикция, принцип территориальности, принцип протективности, статус беженцев, *hostis humani generis*, обязательства *erga omnes*, нормы *jus cogens*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сафаров Н.А. 2021. Правосудие от имени шести миллионов обвинителей: дело «*The Attorney General of the Government of Israel v. Adolf Eichmann*» в контексте международного права. – *Московский журнал международного права*. №4. С. 70–107. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-70-107>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Данная публикация отражает личную точку зрения автора и не может ассоциироваться с позицией какого-либо официального учреждения.

INTERNATIONAL CRIMINAL LAW

Research article
Received 27 September 2021
Approved 26 November 2021

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-70-107>

Nizami A. SAFAROV

National Assembly of the Republic of Azerbaijan
1, Parlamentskii prospect, Baku, the Republic of Azerbaijan, AZ 1152
nizami.s@rambler.ru
ORCID: 0000-0003-4763-4337

JUSTICE IN THE NAME OF SIX MILLION ACCUSERS: THE CASE OF THE ATTORNEY GENERAL OF THE GOVERNMENT OF ISRAEL V. ADOLF EICHMANN IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL LAW

INTRODUCTION. *The legal saga of the prosecution of Adolf Eichmann, one of the most wanted war criminals and chief “architect” of the Holocaust, raises many ethical,*

political and legal problems. The Eichmann trial is unprecedented in the long history of international criminal law for many reasons. Although many leaders of Nazi re-

gime were put on trial at Nuremberg before International Military Tribunal, mass killings and other outrageous crimes against Jews was not the main object of the trial. Thereby prosecution and punishment one of the most important organizers of the genocide of Jewish people, creator of new type of evil and new type of crime, become the great task of the State of Israel.

MATERIALS AND METHODS. The theoretical basis of the study consists of the works of leading international lawyers specializing in international criminal law, as well as the international extradition of criminals; the analytical base comprises of the decisions of the Nuremberg International Military Tribunal, as well as the national courts of the State of Israel, in particular the cult decision the Attorney General of the Government of Israel v. Adolf Eichmann, as well as the decisions of the national courts of the United States, cited in the article for the purpose of comparative analysis. The methodological basis of the research comprises historical method, methods of formal logic, including analysis, synthesis and analogy, as well as systemic, comparative legal methods and method of interpretation.

RESEARCH RESULTS. Based on the study of international legal instruments and international judicial practice, as well as the national legislation of the State of Israel, the author made conclusions related to the abduction of accused from the territory of a foreign state, in particular its consequences in the form of violation of the sovereignty of the state. At the same time, the article contains a statement that the unlawfulness of the arrest does not prevent the court from exercising jurisdiction over the person. In the context of the administration of justice by the State of Israel, the author analyzes the Convention relating to the Status of Refugees of December 14, 1951, paying special

attention to the problem of the possible immunity of the accused based on the refugee status granted by the state.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. In the course of the study, the author analyzed a significant amount of materials, summarized the doctrinal positions put forward by a number of prominent international scholars, and also formed the conclusion that the trial of Eichmann marked not only the administration of justice over the international criminal, but also provided another opportunity for a broad international publicity of the horrors of the Nazi regime and the need to unite collective efforts of states to save future generations from such international crimes.

KEYWORDS: international criminal law, war crimes, genocide, crimes against humanity, criminal prosecution, International Military Tribunal at Nuremberg, Holocaust, extradition, forced abduction, universal jurisdiction, principle of territoriality, protective principle, status of refugees, hostis humani generis, obligations erga omnes, jus cogens norms

FOR CITATION: Safarov N.A. Justice in the Name of Six Million Accusers: the Case of the Attorney General of the Government of Israel v. Adolf Eichmann in the Context of International Law. – *Moscow Journal of International Law*. 2021. No. 4. P. 70–107. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-70-107>

The author declares the absence of conflict of interest.

This publication reflects the personal point of view of the author and cannot be associated with the position of any official institution.

«Представ здесь перед Вами, Судьи Израиля, чтобы осуществлять обвинение против Адольфа Эйхмана, я стою не один. Со мной в этот час шесть миллионов обвинителей. Но они не могут встать и указать обвиняющим перстом на сидящего на скамье подсудимых и воскликнуть: «Я обвиняю!»... Я буду за них говорить и от их имени предъявлю ужасающий обвинительный акт»

Выдержка из речи Генерального прокурора Израиля Гидеона Хаузнера на судебном процессе против Адольфа Эйхмана

1. Введение

Процесс формирования нового международно-правового порядка в период после окончания Второй мировой войны был неразрывным образом связан с осуществле-

нием последовательной борьбы с безнаказанностью международных преступлений, имевших место в ходе прошедших событий.

Цивилизованный мир должен был дать адекватный правовой ответ на грубейшие нарушения фундаментальных прав человека, вытекающий

из обязательств государств по осуществлению правосудия в отношении военных преступников¹.

Однако даже среди судебных прецедентов, касающихся преследования индивидов, обвиняемых в совершении геноцида, военных преступлений и преступлений против человечности, рассмотренное Окружным судом Иерусалима дело *The Attorney General of the Government of Israel v. Adolf Eichmann*, стоит особняком не только в силу его материально-правовых и процессуальных особенностей, но прежде всего, из-за его неразрывной связи с Холокостом или как его называют на иврите Shoah - одним из самых трагических событий как в истории Еврейского народа, так и всего человечества, в ходе которого систематическому истреблению подверглось шесть миллионов человек, единственная вина которых заключалась в их национальной принадлежности.

Как подчеркивалось в литературе, дело А. Эйхмана по конкретным аспектам было первым судебным разбирательством, непосредственно сфокусировавшемся на преступлениях Холокоста. В своей вступительной речи по данному делу Генеральный прокурор Израиля подчеркнул, что «бедствие Еврейского народа в этом поколении было предметом рассмотрения на ряде судебных процессов, проведенных после поражения Германии во Второй мировой войне, но ни в одном из этих разбирательств трагедия еврейства в целом не была главной проблемой». Окружной суд Иерусалима в своем приговоре отметил, что вопрос Холокоста «подробно рассматривался в Международном военном трибунале в Нюрнберге во время судебного процесса над главными военными преступниками, а также на нескольких последующих судебных процессах; но на этот раз он занял центральное место в судебном разбирательстве, и именно этот факт отличает данный процесс от предыдущих» [Douglas 2001:97-98].

Фундаментальность указанного судебного процесса подчеркивалась и тем обстоятельством, что на скамье подсудимых оказался один из самых разыскиваемых военных преступников, вовлеченных в бесчеловечную программу «окончательного решения еврейского вопроса» [Longerich 2010:133], оберштурмбанфюрер СС

(*Schutzstaffel (SS)*) и руководитель сектора IV-B4 (Еврейские отношения и вопросы эвакуации) Главного управления имперской безопасности (*Reichssicherheitshauptamt (RSHA) Referat IV-B4*) Адольф Эйхманн, для описания которого известный публицист Ханна Арендт использовала термин «банальность зла» (*banality of evil*) [Arendt 1963:275]².

Как отметил Генеральный прокурор Израиля Гидеон Хаузнер в своей обвинительной речи «в лице Адольфа Эйхмана народы планеты «столкнулись с новым типом убийцы, которые занимаются своим кровавым ремеслом сидя за столом, и лишь изредка совершают поступки своими руками»³.

Именно процесс против А. Эйхмана был назван крупнейшим ученым-международником проф. Георгом Шварценбергером одной из величайших драм юридической истории [Schwarzenberger 1962:248]. Другой исследователь, проф. Доминик Ласок, отмечал, что суд над Адольфом Эйхманом войдет в историю как не имеющий прецедента в силу чудовищности предъявленных обвинений [Lasok 1962:376]. Бывший судья Военного трибунала США в Нюрнберге, который председательствовал на процессе по делу *The United States of America vs. Otto Ohlendorf, et al (Einsatzgruppen Trial)*, а впоследствии занял пост председателя Верховного суда Пенсильвании, Анджело Мусманно заметил, что процесс по делу Эйхмана – одно из самых важных разбирательств в истории, которое никогда не должно быть забыто, ибо это было бы зияющей пропастью в географии человеческого духа [Musmanno 1961:1].

Несмотря на значительный промежуток времени, прошедший с момента судебного разбирательства, уникальное уголовное дело, сконцентрировавшее в себе сложнейшие вопросы политики и права, даже спустя 60 лет в современных условиях требует скрупулезного юридического анализа и соответствующего осмысления. Указанное не в последнюю очередь объясняется тем, что обвинение столкнулось с необходимостью решения двуединой задачи: возрождения памяти о еврейской трагедии в Европе, где доминировал Гитлер и установления индивидуальной вины А. Эйхмана способом, совместимым

¹ См.: [Beigbeder 2005:1; Roht-Arriaza 2018:47-58].

² См. также: [Cassese 2009:645].

³ См. подробно: [Weitz 2009:26-49; Landsman 2012:77-87].

со строгими требованиями верховенства права [Schwarzenberger 1962:248]. По мнению проф. Г. Шварценбергера, для правительства Израиля наказание А. Эйхмана не было главной целью привлечения военного преступника к суду. Этот процесс должен был заставить молодое поколение Израиля увидеть Холокост европейского еврейства в истинной перспективе и напомнить миру в целом о трагедии [Schwarzenberger 1962:250]. Соглашаясь с последним тезисом Г. Шварценбергера, все же позволим себе заметить, что преследование А. Эйхмана, и тем более его предание суду на территории Израиля с участием жертв Холокоста и их родственников, а также осуждение его к самому суровому наказанию в соответствии национальным законодательством, было вопросом высшей принципиальности для молодого еврейского государства.

2. Дипломатические проблемы в контексте дела А. Эйхмана: кризис в двусторонних отношениях Аргентины и Израиля, обсуждения в Совете Безопасности ООН

Специальное упоминание об А. Эйхмане сохранилось в приговоре Международного военного трибунала в Нюрнберге, где было указано, что «нацистское преследование евреев в Германии до войны, хотя было жестоким и безжалостным, не идет ни в какое сравнение с политикой, проводимой во время войны на оккупированных территориях. Первоначально эта политика была схожа с той, которая осуществлялась и внутри Германии: все евреи должны были проходить регистрацию, их заставляли жить в гетто, они должны были носить желтую звезду, и их использовали для рабского труда. Летом 1941 г., однако, начали разрабатываться планы «окончательного решения еврейского вопроса» в Европе. Это «окончательное решение» означало уничтожение всех евреев, которое, согласно угрозам Гитлера, в начале 1939 года должно было явиться одним из следствий разразившейся войны; для проведения в жизнь этой политики был организован специальный отдел гестапо, который возглавлял Адольф Эйхман, начальник

отдела В4»⁴. Еще одна ссылка в приговоре гласила, что «Адольф Эйхман, которому Гитлер поручил осуществление этой программы [имелось в виду «окончательное решение еврейского вопроса» – прим. автора], подсчитал, что в результате проводившейся политики было убито шесть миллионов евреев, из которых четыре миллиона было убито в пунктах для истребления людей»⁵. Таким образом, хотя имя военного преступника упоминалось на процессе в отношении главных нацистских преступников в связи с истреблением еврейского населения, тем не менее, посадить его на скамью подсудимых не удалось, поскольку А. Эйхман смог скрыться от правосудия. Лишь пятнадцать лет спустя в результате беспрецедентных усилий израильских спецслужб удалось идентифицировать преступника и доставить его на территорию Израиля для привлечения к уголовной ответственности.

Следует напомнить, что одному из наиболее знаковых процессов в истории юриспруденции, являющемуся предметом анализа настоящей статьи, непосредственно предшествовало заявление премьер-министра Израиля Давида Бен-Гуриона, с которым он 23 мая 1960 г. выступил перед Кнессетом, отметив в частности, следующее: «Некоторое время назад израильскими службами безопасности был обнаружен один из величайших нацистских военных преступников, Адольф Эйхманн, который вместе с нацистскими лидерами несет ответственность за то, что называется «окончательным решением еврейского вопроса» – уничтожение шести миллионов европейских евреев. Адольф Эйхманн находится в настоящее время под арестом в Израиле и вскоре предстанет перед судом в соответствии с Законом «О нацистах и нацистских коллаборационистах (их наказании) 1950 г.»⁶.

Заявление премьер-министра Израиля было сделано вслед за осуществлением специальными службами захвата на территории Аргентины А. Эйхмана, скрывавшегося под фамилией Рикардо Клемента и работавшего на заводе Мерседес-Бенц в пригороде Буэнос Айреса⁷. Причем его нелегальная доставка сотрудниками «Моссада» в Израиль⁸ спровоцировала острую

⁴ Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg 14 November – 1 October 1946. Vol. I. P. 250. URL: https://www.loc.gov/rr/frd/Military_Law/pdf/NT_Vol-I.pdf (accessed 10.07.2021). См. также: [Lippert 1962].

⁵ Ibid. P. 252-253.

⁶ См.: [Liskofsky 1961:199; Keren 1991:38-39; Mulish 2005:IX; Bach 2011:216].

⁷ Обстоятельства похищения А.Эйхмана см. подробно: [Harel 1975].

⁸ См.: [Ambos 2021:10].

дипломатическую напряженность между двумя государствами.

Уже 1 июня 1960 г. министр иностранных дел Аргентины Диогенес Табоада обратился с требованием к послу Израиля Арье Левави предоставить полную информацию о деле А. Эйхмана. Ответная нота посла, датированная 3 июня, по существу представляла собой официальную попытку израильской стороны дистанцироваться от похищения. Согласно указанной ноте, захват лица был квалифицирован как акция «группы добровольцев», включавших некоторых граждан Израиля, которые осуществили перемещение А. Эйхмана с территории Аргентины и его передачу израильским службам безопасности. Кроме того, израильская сторона выражала «сожаление» по поводу любого нарушения суверенных прав Аргентины, явившихся результатом действий добровольцев. Внимание аргентинского правительства также обращалось на необходимость принятия во внимание того факта, что «перед судом должно предстать лицо, несущее наибольшую ответственность за убийства миллионов людей, принадлежащих к Еврейскому народу, добровольцы которого, сами являвшиеся жертвами бойни, поставили свою историческую миссию выше всяких соображений» [Liskofsky 1961:199]. Однако изложенные в ноте доводы относительно вопроса, касавшегося А. Эйхмана, не увязывались с заявлением, сделанным 23 мая в Кнессете премьер-министром Д. Бен-Гурионом о причастности спецслужб к проведенной операции по поимке одного из наиболее разыскиваемых военных преступников.

Аргентина 8 июня вновь обратилась с нотой к израильской стороне с требованием привлечь к ответственности лиц, совершивших действия, рассматриваемые как нарушение «одного из наиболее фундаментальных прав аргентинского государства». Кроме того власти Аргентины ожидали скорейшего возвращения А. Эйхмана, и довели до сведения Израиля возможность рассмотреть экстрадиционный запрос, представленный посредством способов, предусмотренных международным правом. Внимание израильской стороны также было обращено на тот факт, что при наличии указанного запроса, связанного с обвинением в совершении геноцида, лицо может быть судимо либо в Германии, на территории которой имели место преступные действия либо международным трибуналом. В противном случае, как указывалось в ноте аргентинского министра иностранных дел, вопрос будет передан

на рассмотрение ООН в соответствии с Уставом организации, предусматривающей мирное урегулирование споров.

Дипломатическая напряженность между двумя государствами не снизилась даже несмотря на персональное письмо премьер-министра Израиля Давида Бен-Гуриона президенту Артуро Фрондизи, датированное 7 июня 1960 г., в котором он выражал надежду на то, что аргентинская сторона в данном вопросе проявит понимание всей тяжести злодеяний, совершенных А. Эйхманом, «являющимся лицом, ответственным за исполнение приказов Гитлера об «окончательном решении еврейского вопроса» в Европе, т.е. убийстве каждого еврея, который мог попасть в руки нацистов повсеместно на тех европейских территориях, которые были оккупированы в то время». В письме также было обращено внимание на то, что привлечение к ответственности и наказание Эйхмана за беспрецедентные по своей тяжести и жестокости преступления, могло быть осуществлено только в Израиле [Asia...1960:283]. Еще до того, как письмо Д. Бен-Гуриона было получено президентом Артуро Фрондизи, т.е. 8 июня 1960 г. министерство иностранных дел Аргентины направило очередную ноту посольству Израиля, в которой было выражено осуждение особо тяжких преступлений, совершенных нацистским режимом под руководством Гитлера, отнявших жизни у миллионов людей. Кроме того, обращалось внимание на тот факт, что израильская сторона не внесла ясности в вопрос о том, действовали ли участники акции по захвату А. Эйхмана от имени еврейского государства. Тем не менее, в ноте утверждалось, что «прямое одобрение Израилем действий добровольцев и намерение предать Эйхмана суду, в результате привело к вменению юридической ответственности еврейскому государству». МИД Аргентины вновь выразило свое разочарование тем, что, Израиль не смог предложить соответствующие компенсации за нарушение суверенитета государства, в качестве которых имелось в виду возвращение А. Эйхмана и наказание тех, кто несет ответственность за нарушение аргентинского законодательства [Lippman 2002:57]. Нельзя также не упомянуть, что в ответном письме президента Аргентины премьер-министру Израиля, датированном 13 июня, хотя и было подтверждено негативное отношение к преступлению геноцида, вместе с тем, было особо подчеркнуто, что «сами принципы мирного сосуществования могут быть нарушены, если отношения между государ-

ствами не будут осуществляться в соответствии с универсально признаваемыми юридическими нормами».

Однако предпринятые дипломатические усилия не смогли снизить напряженность между двумя государствами, и 15 июня 1960 г. аргентинская сторона обратилась с требованием срочного созыва Совета Безопасности ООН в связи с «нарушением суверенных прав Республики Аргентины, явившихся результатом незаконного и нелегального перемещения Адольфа Эйхмана с территории Аргентины на территорию государства Израиль». Произошедшее было расценено как действия, находящиеся в противоречии с целями и принципами Устава ООН, создающие атмосферу недоверия, несовместимую с обеспечением международного мира и безопасности. В пояснительном меморандуме правительство Аргентины ссылалось на ноту министра иностранных дел страны, датированную 10 июня 1960 г., в которой был выражен протест Израилю после того, как стало известно, что А. Эйхман был захвачен «группой добровольцев» и вывезен за пределы аргентинской территории. Кроме того, аргентинская сторона потребовала приемлемых для данного случая репараций, которые должны были выражаться, во-первых, в возвращении указанного лица в течение соответствующего временного лимита, установленного сроком в 7 дней; во-вторых, в наказании тех, кто был причастен к нарушению территориального суверенитета Аргентины.

Рассмотрение вопроса в Совбезе ООН продолжалось в течение двух дней – 22 и 23 июня и выявило достаточно интересные позиции различных государств, на которых целесообразно остановиться подробнее.

Прежде всего, следует заметить, что ходе обсуждений выступили представители Аргентины, Китая, СССР, Польши, США, Соединенного Королевства, Франции, Туниса, Цейлона. При этом в основе дебатов находились две фундаментальные проблемы, связанные: во-первых, с соблюдением принципа неизблемости государственного суверенитета и признанием преимущественного характера территориальной юрисдикции; во-вторых, с безусловным осуждением преступлений, имевших место в ходе Второй мировой войны и необходимостью уголовной ответственности и наказания военных преступников, в пе-

речне которых А. Эйхман занимал одно из наиболее видных мест [Liskofsky 1961:199].

Обсуждение проблемы, которая привела к возникновению серьезной напряженности в отношениях двух государств, началось с изложения позиции Аргентины, которая была представлена ее постоянным представителем, послом Марио Амадео. Основной акцент в его выступлении был сделан на нарушение суверенитета своей страны, необходимость наказания лиц, причастных к этим действиям, а также предоставление соответствующей компенсации. При этом он заявил, что «согласие, якобы данное Эйхманом на его переезд в Израиль, не изменяет того факта, что имело место нарушение суверенитета Аргентины». Далее он напомнил, что «статус Эйхмана в Аргентине и тот факт, что он жил там нелегально, не имеют никакого отношения к рассматриваемому делу». В этой связи следует напомнить, что Аргентина выразила протест не против нарушения общих норм, регулирующих право территориального убежища, или против нарушения существующих конвенций по защите политических беженцев, а осудила посягательство на свой суверенитет в результате незаконных действий иностранного государства в пределах собственной территории. Было подчеркнуто, что «факт проживания какого-либо лица в Аргентине в нарушение ее внутригосударственного законодательства является чисто внутренним делом, которое лишь власти Аргентины уполномочены расследовать и вынести по нему решение. Ни одно иностранное государство не имеет права подменять власти данной страны и исправлять положение путем перемещения из этой страны лица, незаконно в ней проживающего. Любая страна, которая потерпела бы подобное вмешательство в свои внутренние дела, перестала бы быть независимой и достойной уважения».

Как было особо подчеркнуто представителем Цейлона⁹ сэром Клодом Кореа, «никто не может серьезно возражать против утверждения, что современное суверенное государство имеет полное право осуществлять высшую власть в отношении всех лиц и вещей, находящихся на его территории. Подобный суверенитет является качеством, которое присуще государству как субъекту международного права. Согласно положениям международного права, каждое государство правомочно требовать, чтобы другие го-

⁹ После принятия новой конституции страны в 1972 году – Шри Ланка.

сударства воздерживались от проведения любых действий, которые представляют собой нарушение его территориального верховенства; в то же время международное право обязывает каждое государство воздерживаться от проведения подобных действий против любого другого государства¹⁰. Председательствующий на заседании Цзян Тин-Фу, в качестве представителя Китая заявил, что «выступает в защиту принципа уважения национального суверенитета, в отношении которого не может быть сделано никаких исключений». Представитель Польши, воздержавшись при голосовании по проекту резолюции Совбеза, подчеркнул, что его страна «решительно выступает за поддержание и строгое соблюдение принципа уважения суверенитета. Она выступала и будет выступать против любых попыток нарушения этого принципа». Позиция СССР была озвучена послом Аркадием Соболевым, подчеркнувшим, что «Советский Союз всегда стоял за строгое соблюдение общепризнанного принципа суверенитета в отношениях между государствами и считает недопустимыми любые действия, направленные на нарушение этого принципа». Одновременно представителем СССР было отмечено, что западные страны по существу уклонились от реализации своих договорных обязательств, взятых на себя в период Второй мировой войны, и касавшихся уголовного преследования и наказания военных преступников, часть которых нашла убежище в Аргентине.

В любом случае все делегации были единодушны в том, что касалось ответственности и наказания А. Эйхмана. В частности, даже представитель Аргентины, государства инициировавшего рассмотрение вопроса в Совете Безопасности, заявил, что «внушительный перечень преступлений, в совершении которых обвиняется Адольф Эйхман, не может быть использован в данном деле против нас, поскольку в обращении к Организации Объединенных Наций речь идет об удовлетворении наших требований в связи с нарушением наших прав, а не о безнаказанности этих преступлений». В свою очередь, объясняя причины того, почему польская делегация воздержалась от голосования, ее представитель заявил, что резолюция «не предусматривает... четкого подхода по второму вопросу, то есть вопросу о дальнейшей судьбе Эйхмана... Двусмысленность

формулировок способна вызвать толкования, которые могут быть использованы в интересах самого Эйхмана или других военных преступников, где бы они в настоящее время ни находились. А их... проживает в некоторых странах так много, что это не может не вызывать чувства беспокойства. Они не преследуются в судебном порядке, их не привлекают к ответственности, и во многих случаях они делают все, для того, чтобы полностью восстановить свой ненавистный режим... От имени жертв нацистских поработителей, которые еще живы, и в память миллионов, погибших от рук нацистов, хочется выразить надежду на то, что дело Эйхмана побудит все государства, на территории которых все еще проживают не представшие перед судом военные преступники, предпринять решительные меры по их задержанию с тем, чтобы они могли быть переданы в руки правосудия». Делегация СССР, объясняя причины того, почему не голосовала по проекту резолюции, представленной со стороны Аргентины, довела до сведения присутствующих на заседании Совета Безопасности, что «некоторые положения резолюции, касающиеся оценки обстоятельств, связанных с задержанием Эйхмана, идут, по нашему мнению, дальше, чем это может быть оправдано фактической стороной дела. Так, мы не считаем, что допущенные в связи с задержанием Эйхмана действия, за которые, к тому же, правительство Израиля принесло извинение, могут расцениваться как ставящие под угрозу международный мир и безопасность. Такая оценка представляется нам необоснованной. Во-вторых, мы, разумеется, поддерживаем те положения проекта резолюции, в которых указывается, что Эйхман должен быть надлежащим образом судим за тяжкие преступления, совершенные им против человечности. Однако наряду с этим правильным положением, выражающим справедливое возмущение всех народов бесчеловечными преступлениями, совершенными нацистскими преступниками во время второй мировой войны, в решении Совета содержатся положения, которые практически могут ослабить значение признания Советом Безопасности необходимости осуждения Эйхмана. Мы при этом имеем в виду те части резолюции, которые могут дать повод тем, кто хотел бы продолжать несовместимую с международными соглаше-

¹⁰ Здесь и далее все материалы обсуждения в Совете Безопасности ООН. Security Council Official Records. June 23, 1960. URL: <https://undocs.org/en/S/PV.868> (accessed 10.07.2021). См. об этом также: [Liskofsky 1961:203].

ниями и решениями Организации Объединенных Наций политику попустительства военным преступникам и их укрывательства от законной ответственности, пытаться интерпретировать сегодняшнее решение Совета и самый факт его принятия как хотя бы косвенное признание допустимости подобного рода политики... Пункт 2 постановляющей части резолюции Совета ни в коем случае не может истолковываться как дающий основание для предъявления каких-либо претензий, направленных на возвращение Эйхмана в страну, где он в течение долгих лет уклонялся от справедливого суда за совершенные им злодеяния. В-третьих, мы считаем важным, чтобы все государства — члены Организации Объединенных Наций оказали самую энергичную поддержку осуществлению положения, которое содержится в решении Совета и согласно которому ничто в этом решении никоим образом не может толковаться как прощение отвратительных преступлений, совершенных Эйхманом»¹¹.

Проект резолюции Совета Безопасности, представленный 22 июня 1960 г. со стороны Аргентины в связи с действиями по захвату А. Эйхмана, предусматривал 5 пунктов Преамбулы и 2 пункта резолютивной части. Для того, чтобы принять во внимание обе позиции, которые были озвучены в Совбезе, и касались с одной стороны, проблемы нарушения территориального суверенитета Аргентины, а с другой стороны, безусловного наказания военных преступников, представитель США Генри Кэбот Лодж предложил одобрить проект резолюции, дополнив его двумя пунктами, один из которых относился к Преамбуле¹², другой к резолютивной части¹³ и эти дополнения получили отражение в окончательном варианте резолюции, принятой голосами 8 государств – США, Великобритании, Франции, Цейлона, Китая, Италии, Эквадора и Туниса.

Обсуждения вопроса в ООН наглядным образом продемонстрировали, что Совет Безопасности

оказался между Сциллой государственного суверенитета и Харибдой необходимости предания А. Эйхмана справедливому суду [Lippman: 2002:59], и принятая резолюция выглядела хрупкой попыткой сформировать компромисс между Аргентиной и Израилем, не допустив углубления международного конфликта¹⁴.

Многие исследователи, не одобряя действий израильских властей в правовом смысле, связанных с вмешательством в территориальную юрисдикцию Аргентины и нарушением норм международного права, в то же время, в большинстве случаев были едины во мнении, согласно которому существовал целый ряд оснований для оправдания действий по преданию А. Эйхмана суду. В частности, Карл Ясперс указывал, что хотя арест преступника в Аргентине противоречил международному праву, он был, несомненно, оправдан с моральной и политической точек зрения [Jaspers 2006:854].

Мы не можем не отметить, что хотя буквально за два дня до похищения А. Эйхмана Аргентина и Израиль подписали Договор об экстрадиции, он до ратификации не мог рассматриваться в качестве правовой основы для выдачи военного преступника [Green 1960:508]. Более того, преступления, которые могли бы вменяться в вину А. Эйхману не подпадали под действие указанного договора, поскольку в числе прочих, указанные деяния не имели места на территории договаривающихся сторон и не были совершены их гражданами¹⁵. Несколько иной позиции по данному вопросу придерживался постоянный представитель Аргентины в ООН Марио Амадео, при обсуждении вопроса в Совете Безопасности заявивший, что Израиль мог бы найти основу для инициирования преследования Адольфа Эйхмана в договоре об экстрадиции, подписанном 9 мая 1960 г. Кроме того, он отметил, что «хотя договор не ратифицирован, и поэтому не имеет обязательной силы, он, тем не менее, мог бы стать полезным руководством в данном деле. Так, ста-

¹¹ Security Council Official Records. June 23, 1960. URL: <https://undocs.org/en/S/PV.868> (accessed 10.07.2021). См. об этом также: [Liskofsky 1961:203].

¹² Предложение США по Преамбуле резолюции - «Учитывая, что взаимное всеобщее осуждение преследований евреев при нацистском режиме и желание народов всех стран, чтобы Эйхман был надлежащим образом судим за преступления, в которых он обвиняется». URL: <https://digitallibrary.un.org/record/541668?ln=en> (accessed 02.08.2021)

¹³ Предложение США по резолютивной части резолюции - «3. Выражает надежду, что традиционные дружеские отношения между Аргентиной и Израилем будут продолжаться». URL: <https://digitallibrary.un.org/record/541668?ln=en> (accessed 02.08.2021).

¹⁴ См.: UN: Question to the Case of Adolf Eichmann. URL: [https://undocs.org/en/S/RES/138\(1960\)](https://undocs.org/en/S/RES/138(1960)) (accessed 10.07.2021).

¹⁵ См.: [Argentine Jews...2010:83].

тья 11 предоставляет подавшему запрос государству право «потребовать временного задержания разыскиваемого лица»; статья 12 гласит, что «разыскиваемое лицо должно быть препровождено запрашиваемым государством к соответствующему месту, указанному запрашивающим государством»; статья 20 предусматривает, что «когда агенты запрашивающего государства — в этом случае Израиля — находятся на территории другого государства с целью заключения под стражу лица, на выдачу которого было дано согласие, то они подчиняются распоряжениям властей, обладающих юрисдикцией над вышеупомянутой территорией». Иными словами, похитители Эйхмана должны были выполнять указания правительства Аргентины».

Для полноты анализа следует отметить, что в качестве правовой основы для экстрадиции не могла рассматриваться и Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, принятая в 1948 г. Хотя Израиль ратифицировал Конвенцию 9 марта 1950 г., а Аргентина присоединилась к ней 5 июня 1956 г.¹⁶, данный международный договор применительно к вопросу международного сотрудничества предусматривал лишь одну статью VII, согласно которой в отношении выдачи виновных геноцид и другие, перечисленные в статье III деяния, не рассматриваются как политические преступления. В таких случаях договаривающиеся стороны обязуются осуществлять выдачу в соответствии со своим законодательством и действующими договорами. Каких-либо положений относительно того, что Конвенция может рассматриваться как основание для выдачи в случае отсутствия соответствующего международного соглашения, текст документа не содержал. В этой связи вопрос об экстрадиции выглядел весьма проблематично, что явилось еще одним доводом для израильских спецслужб о необходимости предпринять соответствующую насильственную акцию по перемещению А. Эйхмана в Израиль.

С другой стороны, официальные власти Израиля не могли не принимать во внимание, что многие нацисты находили прибежище в отдельных странах Латинской Америки. В частности, А. Эйхман прибыл в Аргентину в числе других 500 человек, переправленных в эту страну в период с 1945 по 1955 г. [Cwik 2009:85], получив с помо-

щью священника-францисканца паспорт Красного Креста на имя Рикардо Клемента и въездную визу [Звягинцев 2006:1115]. Современная общепринятая оценка состоит в том, что около 50 из этих иммигрантов были военными преступниками (их число возрастает до 180, если в него включить пособников нацистского режима) [Argentine Jews...2010:81]. Самыми известными из указанных лиц были Йозеф Менгеле, «ангел смерти Освенцима» и Адольф Эйхман. При этом даже иммиграционный статус А. Эйхмана, основанный на предоставлении сфальсифицированных личных данных и его преступное прошлое, никоим образом не гарантировали экстрадицию наиболее разыскиваемого преступника Израилю, поскольку он находился под территориальной юрисдикцией Аргентины.

3. Материально-правовые аспекты судебного разбирательства по делу А. Эйхмана в Окружном суде Иерусалима: Закон «О нацистах и нацистских коллаборационистах (их наказании)» 1950 г.

Комплексный анализ дела *The Attorney General of the Government of Israel v. Adolf Eichmann* в Окружном суде Иерусалима наглядно продемонстрировал, что одной из наиболее трудных и противоречивых проблем, которая стала предметом пристального внимания как судебной инстанции, так и со стороны защиты подсудимого, пытавшейся доказать юридическую несостоятельность уголовного преследования, была связана с субстанциональной (материально-правовой) основой судебного разбирательства. Данная проблематика процесса по делу одного из главных военных преступников, который внес существенный «вклад» в бесчеловечную программу, называемую «окончательным решением еврейского вопроса», даже спустя годы привлекает значительное внимание специалистов, занимающихся исследованием проблемы предупреждения и наказания международных преступлений.

Как известно, обвинительное заключение против А. Эйхмана охватывало 15 пунктов, содержащих юридическую квалификацию совершенных им преступлений, предусмотренных Законом «О нацистах и нацистских коллаборационистах (их наказании)» от 1 августа 1950 г.:

¹⁶ Convention on Prevention and Punishment of the Crime of Genocide. January 12, 1951. URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsq_no=IV-1&chapter=4&clang=_en (accessed 10.07.2021).

пять из них относились к преступлениям против Еврейского народа; семь касались преступлений против человечности; один пункт был связан с совершением военных преступлений; три пункта характеризовали участие во враждебной организации. При этом согласно израильскому законодательству по одиннадцати пунктам обвинения подсудимому грозила смертная казнь.

Ознакомление с вышеуказанным заключением наглядным образом свидетельствует о том, что обвинение столкнулось с фундаментальными трудностями, которые следовало преодолеть для того, чтобы охватить исчерпывающий перечень преступлений, совершенных А. Эйхманом. В результате была сформулирована концепция преступлений против внутреннего законодательства Израиля и преступлений против международного права, явившихся предметом судебных разбирательств в Нюрнберге [Lasok 1962:356]. Особого упоминания и некоторых комментариев заслуживает первый пункт обвинения, согласно которому вменяемые подсудимому деяния можно было бы квалифицировать как преступления против человечности или военные преступления, объединив их с другими пунктами обвинительного заключения под этими заголовками. Однако сокрушительный психологический эффект, тем самым, был бы утрачен, а желание необходимого возмездия осталось бы неудовлетворенным. Запланированное истребление евреев и представителей других национальностей всколыхнуло сознание всего мира и послужило толчком к принятию Конвенции геноцида, впоследствии ратифицированной Израилем. Тем не менее, составление обвинительного заключения в смысле конвенции подорвало бы юрисдикцию израильского суда в отношении упомянутых преступлений, поскольку ст. VI предусматривала юрисдикцию международного трибунала или судов государства, где были совершены преступления [Lasok 1962:356].

Защита подсудимого настаивала на том, что Закон 1950 г. был нелегитимной частью законодательства, поскольку противоречил, как между-

народному праву, так и естественной справедливости, воплощенной в принципе *nullum crimen sine lege*. Утверждалось, что он не является действительным, поскольку предусматривает наказание за действия, которые имели место до создания государства Израиль в 1948 г., были совершены вне пределов нынешней израильской территории в отношении лиц, которые не являлись гражданами Израиля и совершены индивидами, действовавшими во исполнение своих обязанностей от имени иностранного государства («акт государства»). Защита, обосновывая свои возражения, утверждала, что недопустимо судить обвиняемого за преступления, совершенные в результате действий нацистского механизма истребления, за которые должно нести ответственность лишь германское государство, являющееся преемником нацистского режима¹⁷. Помимо этого, как отмечалось в литературе, один из наиболее общих вопросов разбирательства по делу А. Эйхмана заключался в том, отвечало ли материальное право, применяемое судом, стандарту цивилизации [Schwarzenberger 1962:248]. Более того, бригадный генерал Тэлфорд Тэйлор, являвшийся главным обвинителем в Нюрнберге, сразу после захвата А. Эйхмана выразил свою озабоченность тем, что суд в Израиле, а не в Германии, будет противоречить правовым традициям. Указанная позиция обосновывалась тем, что согласно общепринятым принципам индивид имеет право быть судимым там, где он совершил преступление, в котором обвиняется [Kittrie 1964:22].

В числе прочих, именно на противоречивости, по мнению стороны защиты, которую представляли д-р Роберт Серватиус¹⁸, адвокат из Кельна и его помощник, мюнхенский адвокат д-р Дитер Вехтенбрух, была сформулирована стратегия, направленная на доказывание несостоятельности обвинений, выдвинутых против Адольфа Эйхмана.

Приступая к рассмотрению вопросов о легитимности материально-правового базиса обвинения военного преступника, Окружной суд

¹⁷ Данный аргумент проявился и на последующих процессах, и в частности, по делу Джона Демьянюка, когда лицо попыталось оспорить юридическую силу Закона «О нацистах и нацистских коллаборационистах (их наказании)», настаивая на его ретроактивном характере. Этот довод был отклонен судом, определившим, что указанный Закон, как и Устав Международного военного трибунала в Нюрнберге и Конвенция геноцида, воспроизвел уже существовавшее право, сформировав дополнительный форум для уголовного преследования преступников. См.: [Reiss 1987:299]

¹⁸ Др. Роберт Серватиус был выбран самим А. Эйхманом по совету своей семьи и стал известным своей деятельностью защитника на процессах в Нюрнберге. Он, в частности, представлял министра труда нацистской Германии Фрица Заукеля и Карла Брандта, личного психиатра Гитлера и руководителя программы эвтаназии. См.: [Wilson 2006:58].

Иерусалима провел тщательный анализ взаимоотношения международного права и израильского законодательства, а также вопроса о приоритетности международно-правовых норм в случае конфликта с нормами внутреннего законодательства, заявив, прежде всего, что действующее законодательство Израиля является схожим с законодательством Англии.

Сославшись на труды выдающихся специалистов в области международного права, прецедентную практику Англии, Австралии и Израиля, суд пришел к выводу о том, что не существует каких-либо противоречий между израильским законодательством и международным правом. Как было заявлено Окружным судом, «наша юрисдикция в данном деле основывается на Законе «О нацистах и нацистских коллаборационистах (их наказании)», статутном законе, положения которого не являются двусмысленными... Мы не можем утверждать, что данный закон противоречит принципам международного права»¹⁹.

Кроме того, было подчеркнуто, что указанный Закон соответствует «лучшим традициям права наций (*law of nations*)»²⁰. По мнению суда, компетенция государства Израиль принять рассматриваемый Закон или его «право наказания» в отношении рассматриваемых преступлений с точки зрения международного права опирается на два основания: универсальный характер подобных деяний и их специфику, как направленных на уничтожение Еврейского народа²¹.

Суд подчеркнул, что «отвратительные преступления, рассматриваемые в данном деле, не представляют собой деяний, являющихся преступлениями по закону лишь одного Израиля, но по сути своей, это преступления против права наций... Эти преступления не являются плодом «свободного творчества законодателя, принявшего Закон о наказании нацистов и коллаборационистов, а были сформулированы и определены в этом Законе в соответствии с четкой структурой международных договоров и конвенций, определяющих преступления в соответствии с законом наций. «Преступление про-

тив Еврейского народа» определяется по образцу преступления геноцида, предусмотренного в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него... «Преступления против человечности» и «военные преступления» определены по образцу преступлений, обозначенных в Уставе Международного военного трибунала..., а также в Законе № 10 Союзного Контрольного совета Германии от 20 декабря 1945 г. Преступление «участие во враждебной организации» определено в приговоре Нюрнбергского трибунала в соответствии с его Уставом»²². Далее Суд отметил, что «преступление «геноцида» было впервые определено Рафаэлем Лемкиным в его работе «Фашистское управление оккупированной Европой» (1944 г.), принимая во внимание методическое уничтожение Еврейского народа нацистами и их сателлитами. После того, как 11.12.1946 г. Международный военный трибунал вынес приговор главным германским преступникам, Ассамблея [Организации] Объединенных Наций в своей резолюции N 96 (I) единогласно декларировала, что геноцид является преступлением против права наций... 9.12.1948 г. Ассамблея [Организации] Объединенных Наций единогласно приняла Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него...»²³.

Весьма важное значение для обоснования позиции Окружного суда имело Консультативное заключение Международного суда от 28 мая 1951 г. «Об оговорках к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него». В нем, *inter alia*, указывалось, что «история создания Конвенции показывает, что намерение Объединенных Наций заключалась в том, чтобы осудить геноцид и наказать за него как за «преступление по международному праву...», связанное с отказом в праве на существование целой группы людей, отказом, с которым не может смириться совесть человечества и который ведет к огромным потерям для человечества, противоречит законам нравственности, а также духу и целям Объединенных Наций (резолюция 96 (1) Генеральной Ассамблеи от 11 декабря

¹⁹ The Attorney-General of the Government of Israel v. Eichmann. – *American Journal of International Law*. 1962. Vol. 56. Issue 3. Para. 10. Все дальнейшие ссылки на данное дело из указанного источника.

²⁰ Ibid. Para. 11.

²¹ Ibidem.

²² Ibid. Para. 16.

²³ Ibid. Para. 17-18.

1946 г.). Первое следствие этой концепции заключается в том, что принципы, лежащие в основе Конвенции, являются принципами, признанными цивилизованными народами в качестве обязательных для государств, даже без каких-либо договорных обязательств. Второе следствие заключается в универсальном характере, как осуждения геноцида, так и сотрудничества, требующегося «для избавления человечества от этого отвратительного бедствия (Преамбула Конвенции)».²⁴ Как заявил представитель Великобритании при рассмотрении дела об «Оговорках к Конвенции геноцида», в таком договоре, как данная Конвенция «нет обязательств... между сторонами. Каждая сторона, правда, принимает на себя обязательства, но это не те обязательства, которые исполняются в отношении или для выгоды других государств. Такого рода конвенция не предусматривает взаимных выгод осязаемого свойства между сторонами. Она предусматривает почти исключительно принятие на себя обязательств независимо от принятия аналогичного обязательства другими сторонами. Иными словами, мы имеем здесь абсолютные обязательства, не подчиненные никаким соображениям взаимности»²⁵.

Сославшись на вышеперечисленные международно-правовые документы, Окружной суд заявил, что «не вызывает сомнений, что геноцид был признан в качестве преступления по международному праву в полном юридическом значении данного термина... Преступления геноцида, которые были совершены против Еврейского народа и других народов, были преступлениями по международному праву. Таким образом, из этого вытекает, что в свете признанных принципов международного права, юрисдикция по преследованию подобных преступлений является универсальной»²⁶.

Итак, материально-правовую основу, уголовного разбирательства составил упомянутый нами Закон «О нацистах и нацистских коллаборационистах (их наказании)», принятый уже через два года после провозглашения независимого еврейского государства, и по выражению Джонатана Венига, находившийся «в центре из-

раильского опыта в отношении военных преступлений» [Wenig 1997:105].

Прежде всего, необходимо отметить, что само появление на свет данного закона было органически связано с той политикой, которую осуществляли нацисты для вербовки еврейских и нееврейских заключенных в концентрационных лагерях для поддержания порядка и дисциплины, а также контроля за выполнением рабочих квот. Подобные функционеры назывались термином «капо» (*сапо, каро*), который мог происходить от немецких слов «*kameradanpolizei*» или «*Katzet-Polizei*» либо от итальянского «*сапо*» – (босс). В качестве «капо» первоначально выступали профессиональные преступники, политзаключенные, военнопленные, а позднее также подвергавшиеся преследованию евреи, назначенные нацистами в концентрационных лагерях или гетто²⁷. Необходимо заметить, что хотя самое известное дело на основе Закона «О нацистах и нацистских коллаборационистах (их наказании)» касалось осуждения Адольфа Эйхмана, вместе с тем, в период с 1950 по 1960 г. в соответствии с указанным законом со стороны Окружного суда Тель-Авива и Верховного суда Израиля были рассмотрены 40 уголовных дел, которые за единственным исключением были связаны с действиями евреев-жертв Холокоста, которые по смыслу израильского законодательства являлись «нацистскими коллаборационистами» [Singer 2003:235-236; Ben-Naftali, Tuval 2006:129].

Возвращаясь к предыстории принятия рассматриваемого Закона 1950 г., следует заметить, что начиная с 1948 г. в правоохранительные органы Израиля от оставшихся в живых и иммигрировавших жертв Холокоста начали поступать заявления, в которых содержались обвинения против других евреев, сотрудничавших с нацистами. Поскольку эти заявления, касавшиеся вопроса об уголовном преследовании коллаборационистов, могли остаться без соответствующей реакции государственных институтов, то уже в августе 1949 г. министерством юстиции был подготовлен проект Закона «О борьбе с еврейскими военными преступниками» (*Act Against Jewish War Criminals*). Через десять месяцев он был на-

²⁴ Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of Genocide. Advisory Opinion dated May 28, 1951. P. 23. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/12/012-19510528-ADV-01-00-EN.pdf> (accessed 09.08.2021).

²⁵ Reservations to the Convention on the Prevent and Punishment of the Crime Genocide. – *ICJ Pleadings*. 1951. P. 387-388. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/12/012-19510410-ORA-01-00-BI.pdf> (accessed 09.08.2021).

²⁶ The Attorney-General of the Government of Israel v. Eichmann. Para. 19.

²⁷ См. подробнее: [The Oxford Companion...2009:728-729; Brown 2015:3; Drumbl 2016:219; Bazylar 2016:133].

правлен в Кнессет, но уже под другим именем, как Закон «О нацистах и нацистских коллаборационистах (их наказании)», имевший более широкий охват субъектов уголовной ответственности, включавших не только «еврейских военных преступников», но и нацистов и нееврейских коллаборационистов.

Представляя в Кнессете проект указанного закона министр юстиции Израиля Пинхас Розен (*Pinchas Rosen*) подчеркнул, что «в то время как, другие нации принимали законы сразу же после войны..., Еврейский народ... вплоть до создания государства был лишен возможности привлечь нацистских преступников и их пособников к ответственности... Это будет изменено сейчас» [Bazyler, Schepach 2012:422]. Кроме того, министр юстиции заявил: «Мы можем предположить, что нацистские преступники... не рискнут прибыть в Израиль, однако закон также будет применяться к тем, кто осуществлял волю нацистов, и, к сожалению, некоторые из них могут быть среди нас» [Yablonka, Tlamim 2003:11].

Во время парламентских дебатов по проекту Закона «О нацистах и коллаборационистах (их наказании)» в Комитете по конституционному праву и юстиции депутат Кнессета Элиезер Премингер (*Eliezer Preminger*) заявил, что «нельзя закрывать глаза на тот факт, что подобное сотрудничество помогло нацистам реализовать их цель... Сотрудничество относилось к любому, кто примыкал к *Judenrat*²⁸ или становился «капо» полагая, что тем самым, сможет спасти себя... Если кто-либо был «капо» в течение двух или трех лет, он не может быть никем иным, как преступником» [Bazyler, Tuerkheimer 2014:206; Frilling 2014:234]. Таким образом, одним из наиболее важных черт проекта нового закона было то, что он должен был предусматривать возможность уголовного преследования не только нацистских военных преступников, но и коллаборационистов, оказавших им содействие.

В отличие от национального Закона «О преступлении геноцида (его предупреждении и наказании)», принятого 29 марта 1950 г. в порядке имплементации Конвенции геноцида 1948 г., но-

сущего проспективный характер и направленного в значительной степени на предотвращение в будущем подобных преступлений, Закон «О нацистах и нацистских коллаборационистах (их наказании)» представлял собой *ex post facto* юридический акт, который мог быть применен ретроактивно. Его основной целью было уголовное преследование и наказание индивидов, являвшихся исполнителями или пособниками преступников, обвиняемых в совершении исключительных по своей тяжести преступлений против Еврейского народа в период нацистского правления.

Интересно отметить, что когда в 1950 году в Кнессет был внесен законопроект «О нацистах и нацистских коллаборационистах (их наказании)», министр юстиции Пинхас Розен провел специальное разграничение данного закона от другого законопроекта (о котором упоминалось выше), касавшегося геноцида, также находившегося на рассмотрении Кнессета, апеллируя при этом к концепции временной эффективности: «Этот закон [т.е. о предотвращении геноцида и наказании за него] применим к будущему... С другой стороны, предлагаемый сейчас закон применим к прошлому, к определенному периоду истории, который начался с приходом к власти Гитлера и закончился с его гибелью» [Fournet 2007:114].

Как было подчеркнуто Окружным судом Тель-Авива в деле *Honigmann v. Attorney-General of the State of Israel*, «рассматриваемый Закон [1950 г.] был разработан таким образом, чтобы сделать возможным осуждение в Израиле нацистов, их пособников и коллаборационистов за уничтожение Еврейского народа... и за преступления против человечности в целом»²⁹. Впоследствии по делу *Attorney-General of the Government of Israel v. Eichmann* суд недвусмысленно заявил, что «государство Израиль, суверенное государство Еврейского народа, посредством своего законодательства выполняет задачу по реализации права Еврейского народа наказывать преступников, погубивших его сыновей...»³⁰.

Возвращаясь непосредственно к Закону «О нацистах и нацистских коллаборационистах

²⁸ Еврейский совет, который учреждался в оккупированных населенных пунктах германскими властями для управления в общинах и гетто. См.: Электронная еврейская энциклопедия. Доступ: <https://eleven.co.il/jewish-history/holocaust/15153/> (дата обращения: 10.07.2021). См. также: [Trunk 1972:2].

²⁹ *Honigmann v. Attorney-General of the State of Israel* (District Court of Tel Aviv). – *International Law Reports*. 1953. P. 542. Данное дело касалось Якова Хонигмана (*Yaakov Honigmann*), обвиненного согласно ст. 1, 2 и 4 Закона 1950 г. в совершении преступлений, связанных с выполнением функций капо.

³⁰ *The Attorney-General of the Government of Israel v. Eichmann*. Para. 38.

(их наказании)» следует отметить, что он охватывал 17 статей, при этом статьи 1-6 составляли сферу применения данного акта *ratione materiae*, другие статьи охватывали положения *ratione temporis*, *ratione loci*, а также нормы, касающиеся процедурных и интерпретационных аспектов [Ben-Naftali, Tuval 2006:130-131].

Собственно субстанциональная часть Закона «О нацистах и нацистских коллаборационистах (их наказании)» содержала определения восьми преступлений, среди которых особого внимания заслуживали три основных, ключевых уголовно-наказуемых деяния: 1) преступления против Еврейского народа; 2) преступления против человечности; 3) военные преступления, за совершение которых в параграфе (а) раздела I было предусмотрено безальтернативное наказание – смертная казнь.

Следующий параграф «b» указанной ст. 1 содержал конкретные акты, которые в совокупности составляли три указанные преступления по смыслу рассматриваемого Закона.

Первая категория деяний – преступления против Еврейского народа представляла собой *sui generis* уголовно-наказуемые деяния, которые не имели аналогов ни в международном договорно-правовом инструментарии, ни в уголовном законодательстве других государств. Формулировка названия данной категории преступлений вытекала из слияния двух уникальных факторов: единственной цели германских нацистов – полностью уничтожить евреев и цели сионистов, основавших современное государство Израиль для того, чтобы сделать его прибежищем и защитить любого еврея в любой точке мира [Ben-Naftali, Tuval 2006:428; Jockusch 2021:75].

Состав указанного преступления предусматривал любые действия, совершенные с намерением полностью или частично уничтожить Еврейский народ: 1) убийство евреев; 2) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства евреям; 3) предумышленное создание для евреев таких жизненных условий, которые рассчитаны на их физическое уничтожение; 4) применение мер, рассчитанных на предотвращение деторождения в среде евреев; 5) насильственная передача еврейских детей в другую национальную или религиозную группу; 6) уничтожение или осквернение еврейских религиозных или культурных ценностей; 7) разжигание ненависти к евреям.

Как показывает ознакомление с вышеуказанными деяниями, за некоторыми изъятиями

их определения, по существу повторяют дефицицию состава геноцида, предусмотренного Конвенцией 1948 г. [Cassese 2013:114] и ограниченную для применения тремя критериями: а) национальным (специфическая идентифицируемая группа); б) временным (период нацистского режима); в) территориальным (Европа). Кроме того, в отличие от конвенционного определения геноцида, израильский закон криминализировал преступление культурного геноцида и разжигание ненависти к евреям [Bilsky, Klagsbrun 2018:1085-1087]. Существенная разница также заключалась в том, что Закон 1950 г. в отличие от конвенционной модели преступного намерения геноцида, заключавшегося в уничтожении полностью или частично национальной, этнической, расовой или религиозной группы, не используя термина геноцида, аккумулировал соответствующие деяния, предусмотрев намерение уничтожения полностью или частично лишь Еврейского народа.

Подобного рода конкретная ссылка указывала на особую связь между государством Израиль и Еврейским народом, подчеркивая уникальную природу Холокоста как преступления, совершенного нацистами против Еврейского народа, и отводя Израилю ведущую роль в преследовании указанных преступлений посредством установления как протективной, так и экстерриториальной юрисдикции израильских судов [Ben-Naftali, Tuval 2006:132].

Вторую категорию деяний, наказуемость которых была установлена согласно Закону 1950 г., составляли преступления против человечности, в качестве которых предусматривались убийство, истребление, порабощение, обречение на голодную смерть или депортация и другие бесчеловечные действия, совершенные в отношении любого гражданского населения, преследования по национальным, расовым, религиозным мотивам или по политическим основаниям. Сравнительный анализ свидетельствует о том, что указанные преступления в основном составляли корпус преступлений против человечности, предусмотренный Уставом Международного военного трибунала в Нюрнберге (ст. 6 (с)) и Законом Контрольного Совета № 10 (ст. II (с)) с одним исключением, не предусматривавшим какой-либо связи рассматриваемой категории преступлений с войной либо совершением иных преступлений.

Как известно ст. 6 (с) Устава Международного военного трибунала, предусмотрев ответ-

ственность за преступления против человечности установила соответствующую ссылку на то, что подобные преступления должны иметь место в «целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала», т.е. в данном смысле имелись ввиду преступления против мира и военные преступления³¹. Таким образом, преступные действия, имевшие место до 1 сентября 1939 г. исключались из юрисдикции Нюрнбергского трибунала. Хотя в приговоре трибунала был подчеркнут факт преследования евреев в течение того же периода, в то же время отмечалось, что «действия, инкриминируемые в период до момента начала войны, могут считаться преступлениями против человечности только в том случае, если они совершались в ходе или в связи с любым из преступлений, подлежащих юрисдикции Трибунала. Трибунал считает, что не было с достаточной убедительностью доказано то, что эти действия совершались во исполнение или в связи с любым таким преступлением, насколько бы отвратительными и ужасными многие из них ни являлись. Поэтому Трибунал не может сделать заявления общего характера относительно того, что действия, совершенные до 1939 года, являются преступлениями против человечности в том смысле, как они определены Уставом»³². Закон № 10 Союзного контрольного совета для Германии (ЗКС), принятый 10 декабря 1945 г. также содержал – отчасти дополненную и существенно измененную концепцию преступлений против человечности: в то время как Уставы Нюрнбергского и Токийского трибуналов устанавливали, что преступления против человечности должны находиться в связи с агрессивной войной или военными преступлениями, это дополнительное условие было опущено в тексте указанного закона. Таким образом, в тексте ЗКС № 10 требование пехус (связи) между войной и преступлениями против человечности не представляло собой отличительного элемента последних³³.

Третья категория уголовно-наказуемых деяний, предусмотренных Законом «О нацистах и нацистских коллаборационистах (их наказании)» охватывала военные преступления, которые включали убийства, истязания или депортацию

гражданского населения для принудительного труда или с любой иной целью с оккупированной территории либо на нее; убийства, истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; присвоение общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью. Состав военных преступлений в израильском законе представлял собой относительно более узкую интерпретацию военных преступлений, содержащихся в Уставе Нюрнбергского трибунала.

Помимо указанных выше основных преступлений, караемых смертной казнью, Закон от 1 августа 1950 г. предусматривал целый ряд иных деяний (разделы 2-6), влекущих различные сроки лишения свободы. В их числе находились преступления против преследуемых лиц (изнасилования или иные преступления сексуального характера, неосторожное убийство, похищение с целью убийства, разбой или покушение на его совершение и т.д.), участие во вражеской организации, преступления, совершенные в местах заключения, шантаж преследуемых лиц.

Представляет значительный интерес и *ratione temporis* юрисдикция, предусмотренная Законом 1950 г. Согласно ст. 16 Закона, «период нацистского режима» охватывал временной промежуток от 30 января 1933 г. до 8 мая 1945 г. в отличие от аналогичного рода юрисдикции Международного военного трибунала в Нюрнберге, компетентного осуществлять уголовное преследование международных преступлений, имевших место в период с 1939 по 1945 г., что автоматически исключало из сферы судебного рассмотрения злодеяния, имевшие место в отношении евреев задолго до начала Второй мировой войны. Как известно, Устав военного трибунала поместил преступления против мира в центр всего уголовного судопроизводства над нацистскими преступниками. Даже в случае, когда рассматривались дела по обвинению в преступлениях против человечности, требовалась связь с агрессивной войной. В этом отношении ограничения юрисдикции международного военного трибунала применительно к преступлениям против человечности касались периода до 1939 г. Это

³¹ См. в частности: [Глотова 2016:104].

³² UN: The Charter and Judgment of the Nürnberg Tribunal – History and Analysis. Memorandum submitted by the Secretary General. New York. 1949. P. 66. URL: https://digitallibrary.un.org/record/160809/files/A_CN.4_5-EN.pdf (accessed 10.07.2021).

³³ См.: [Maogoto 2009:58].

было направлено преимущественно на защиту государственного суверенитета от иностранной агрессии, нежели прав граждан от преступного государства. Напротив, израильский закон «О нацистах и нацистских коллаборационистах (их наказании)», составивший правовую основу разбирательства в отношении А. Эйхмана, предусмотрел применимость его положений в отношении действий, имевших место между 1933 и 1945 годами, освободив, тем самым, Окружной суд от временных ограничений [Bilsky 2014:31].

Следует также заметить, что после окончания Второй мировой войны, ряд государств принял специальные законодательные акты в целях уголовного преследования и наказания военных преступников. В их числе можно отметить, War Crimes Act, принятый в 1945 г. в Австралии, аналогичный закон, принятый в 1946 г. в Канаде и т.д. Однако израильский закон носил исключительный характер, не предусматривая традиционных для уголовного права обстоятельств, исключающих или смягчающих уголовную ответственность, которые были установлены ст. 16, 17, 18 и 19 УК Израиля. Кроме того, согласно ст. 9 (а) Закона 1950 г., лицо, совершившее преступление, предусмотренное данным Законом, могло быть судимо в Израиле, даже если оно ранее было осуждено за то же самое деяние международным трибуналом либо в иностранном государстве. В случае осуждения лица в Израиле, согласно ст. 9 (b) суд при определении меры наказания мог принять во внимание срок наказания, отбытый по предыдущему приговору. Таким образом, правило *non bis idem* согласно Закону «О нацистах и нацистских коллаборационистах (их наказании)» не подлежало применению. Кроме того, исключалась возможность амнистии по указанному закону (ст. 13), а также предусматривалось полномочие суда отклоняться от правил доказывания при рассмотрении дел о соответствующих преступлениях, являвшихся предметом Закона 1950 г. (ст. 15).

Несомненно, указанный Закон носил ретроактивный характер, поскольку криминализовал составы преступлений, не являвшихся предметом уголовно-правовой регламентации национального законодательства государства, не существовавшего в то время, когда были совершены соответствующие деяния.

В этой связи защита подсудимого заявила, что израильский закон, устанавливающий от-

ветственность и наказание за действия, имевшие место до создания государства и за пределами его территории против лиц, не являвшихся гражданами Израиля, и совершенные индивидуальными, действовавшими во исполнение своих обязанностей от имени иностранного государства («акт государства»), находится в противоречии с международным правом и, выходит за рамки компетенции израильского законодателя³⁴. Необходимо обратить внимание на то, что теория «акта государства» была убедительно отвергнута еще в Нюрнберге, когда сторона защиты попыталась использовать ее в качестве аргумента против ведущегося процесса. В частности, военный трибунал заявил, что должны быть отвергнуты утверждения, согласно которым, международное право рассматривает лишь поведение суверенных государств, не устанавливая наказания для отдельных лиц, и там, где рассматриваемое действие являлось актом, совершенным государством, лица, осуществившие это, не несут личной ответственности, а находятся под защитой доктрины о суверенности государства. Издавна признано, что международное право накладывает обязательства и ответственность на отдельных лиц, так же, как и на государства. Преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными сущностями, и только путем наказания отдельных лиц, совершающих такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права. Принцип международного права, который при определенных обстоятельствах защищает представителя государства, не может быть применен к действиям, которые осуждаются как преступные согласно международному праву. Исполнители этих действий не могут прикрываться своим должностным положением, чтобы избежать наказания в надлежащем порядке. Должностное положение подсудимых, их положение в качестве глав государства или ответственных чиновников различных правительственных ведомств, не должно рассматриваться как основание для освобождения от ответственности или смягчения наказания. С другой стороны, сама сущность Устава [Нюрнбергского трибунала] заключается в том, что отдельные лица имеют международные обязательства, которые превышают национальный долг повиновения, наложенный отдельным государством. Тот, кто нарушает законы ведения

³⁴ См.: [Green 1963: 457; Powderly 2011:36].

войны, не может остаться безнаказанным на основании того, что он действует в соответствии с распоряжениями государства, если государство, давая свою санкцию на подобные действия, выходит за пределы своей компетенции, предоставляемой ему согласно международному праву [The Nuremberg Trial...1990:117; The Law of War Crimes...1997:15; Human Rights...2003:53-74; The Travaux Préparatoires...2012:139; Van Siedregt 2012:5-9; Hierarchy...2012:122-123].

В Меморандуме «Иммунитет государственных должностных лиц от уголовного преследования», подготовленном Секретариатом по просьбе Комиссии международного права ООН, обращалось внимание на тот факт, что защита путем ссылки на «акт государства» применяется в уголовном судопроизводстве. Однако этот вариант «акта государств», основанный на максиме *par in parem non habet imperium*, имеет отношение к иммунитету *ratione materiae*. Он постулирует, что государство не может судить лицо за уголовное деяние, которое представляет собой «акт государства» другого государства, без согласия этого государства на осуществление судебного разбирательства в отношении данного лица. По Кельзену, за данное нарушение международного права путем совершения такого деяния несет ответственность исключительно государство, от чьего имени действовал «орган» (правитель или должностное лицо), в то время как сам нарушитель, за исключением шпионажа и военной измены, ответственности не несет³⁵. Со ссылкой на рассматриваемое нами дело, в Меморандуме было обращено внимание на тот факт, что «Окружной суд Иерусалима отверг аргументы защиты по нескольким основаниям. Во-первых, он отметил, что теория «акта государства» ранее уже была признана недействительной международным правом в отношении международных преступлений. Она была отвергнута Нюрнбергским международным военным трибуналом, а затем и Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций, когда в своей резолюции 95 (I) от 11 декабря 1946 г. она подтвердила Нюрнбергские принципы. Генераль-

ная Ассамблея в резолюции 96 (I) от 11 декабря 1946 г. также подтвердила, что согласно международному праву геноцид является преступлением. Принцип III Нюрнбергских принципов, сформулированный Комиссией международного права, и статья IV Конвенции о геноциде стали примерами отклонения этих заявлений в отношении одиозных преступлений. Во-вторых, Окружной суд отклонил кельзенианскую теорию, отмечая, что с государством, которое планировало и осуществляло «окончательное решение» [еврейского вопроса], нельзя обращаться как *par in parem*, его можно рассматривать только как банду преступников»³⁶.

Необходимо отметить, такая проблема как ретроактивность возникла еще в период проведения нюрнбергского процесса, когда защита обвиняемых ссылалась на принцип отсутствия обратной силы, выступающего как производное от принципа *nullum crimen sine lege*³⁷. В этой связи было заявлено, что «Устав указанного Трибунала отражает не произвол победивших держав, а является выражением действующего международного права». Пояснилось, что «право войны возникает не только из договоров, но и из обычаев и практики государств, постепенно получивших всеобщее признание, а также из общих принципов правосудия, применяемых правоведами и военными трибуналами. Право не статично, оно постоянно приспосабливается к потребностям меняющегося мира, так что многие договоры всего лишь отражают существующие принципы права и дают им более конкретное определение»³⁸. Как подчеркивал проф. Куинси Райт, если «рассматривать международное право как развивающуюся систему, нормы и принципы которой можно определить путем изучения всех его источников – «общих принципов права», «международного обычая» и «теорий наиболее высококвалифицированных правоведов» не в меньшей мере, чем «международных конвенций» и «судебных решений», то в этом случае останутся лишь незначительные сомнения в том, что международное право рассматривало в качестве преступлений действия, предусмотренные

³⁵ См.: [Kelsen 1943:530; Kelsen 1945:355].

³⁶ ООН: Иммунитет государственных должностных лиц от уголовного преследования. Меморандум Секретариата. UN Doc. 31. 03. 2008. С. 54-55. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/CN.4/596> (дата обращения: 10.07.2021).

³⁷ Motion adopted by all defense counsel, 19 November 1945. – *Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg 14 November – 1 October 1946*. Vol. I. P. 168-170. URL: https://www.loc.gov/rr/frd/Military_Law/pdf/NT_Vol-I.pdf (accessed 10.07.2021). См.: [Schabas 2012:48-49].

³⁸ См.: [Pusse 2006:68-69; Schlütter 2010:316].

в Уставе [Нюрнбергского трибунала] задолго до того, как они были совершены подсудимыми» [Wright 1947:59]. Хотя по указанным аспектам проблемы ретроактивности так и не сформировалось единство мнений, тем не менее, развитие международного права прав человека представило для этого соответствующую юридическую основу, которую можно рассматривать в качестве «моста» между необходимостью исключения безнаказанности военных преступников и соблюдением принципа законности уголовного права.

Рассматривая проблему, касающуюся ретроактивного применения израильского законодательства, Окружной суд Иерусалима задался вопросом: может ли новое государство осуществлять уголовное преследование преступлений, имевших место до его создания? Отвечая на указанный вопрос, судебная инстанция сослалась на решение по делу *Katz-Cohen v. Attorney General*, когда было заявлено, что суды Израиля обладают полной юрисдикцией в отношении преступлений, которые были совершены до формирования государства и несмотря на изменившийся суверенитет, обеспечили преемственность права. Аргументация Окружного суда исходила из признания права народа страны, в отношении которого были совершены тяжкие преступления, осуществлять наказание лиц, причастных к этим деяниям. При этом судебная инстанция процитировала слова председателя суда, рассматривавшего дело *Katz-Cohen v. Attorney General*, который заявил, что «он не видит оснований для того, чтобы не наказывать преступников лишь исходя из того, что ныне управление населением осуществляется правительством Израиля вместо властей Британского мандата». Напомним, что рассматриваемое дело касалось вопроса уголовной ответственности лица, совершившего убийство своей супруги в апреле 1948 г., т.е. до создания 15 мая 1948 г. государства Израиль. В апелляции против приговора, вынесенного Окружным судом Тель-Авива, осужденный настаивал на том, что судебный орган не обладал компетенцией по рассмотрению его действий, имевших место до того, как Израиль стал суверенным государством. Верховный суд страны

отклонил его доводы, отметив, что после изменения суверенитета новые власти уполномочены осуществлять уголовное судопроизводство в отношении действий, имевших место на территории государства до его создания. Высшая судебная инстанция также отметила, что не существует принципа международного права, который отрицал бы компетенцию по уголовному преследованию в подобных обстоятельствах³⁹. В уже цитированном нами деле *Honigmann v. Attorney-General of the State of Israel* Окружной суд Тель-Авива в отношении Закона 1950 г. заявил, что «этот закон фундаментально отличается по своим характеристикам, составляющим его основу правовым и моральным принципам и по своему духу, от других уголовных законов, обычно содержащихся в статутных сборниках. Этот Закон ретроактивный и экстерриториальный и его объект, *inter alia*, заключается в обеспечении базиса для наказания преступлений, не охватываемых уголовным правом Израиля, и являющихся особым последствием нацистского режима и осуществленных им преследований...»⁴⁰.

Возвращаясь к делу А. Эйхмана, надо отметить, что Окружной суд Иерусалима определил, что учитывая принятие властями Британского мандата закона об уголовном преследовании военных преступников, обладавшего экстерриториальным действием, израильский суд в соответствии с подобным законодательным актом компетентен осуществлять преследование за преступления, которые имели место за границей до создания Израиля. Принцип преемственности также применим в отношении законодательной власти: израильский законодатель обладает компетенцией ретроактивно изменять или дополнять законодательство мандатных властей посредством принятия законов, применимых к уголовно-наказуемым действиям, совершенным до формирования государства Израиль⁴¹. Кроме того, было отмечено, что ретроактивный закон призван заполнить пробел в законах Подмандатной Палестины⁴². Окружной суд также подчеркнул, что Еврейский народ, который рассматривался в качестве объекта преступления, ныне представляет собой компетентный субъект судебного разбиратель-

³⁹ Digest of decisions of national courts relating to succession of States and Governments: study prepared by the Secretariat. – *Yearbook of International Law Commission*. 1963. Vol. II. P. 99.

⁴⁰ *Honigmann v. Attorney-General of the State of Israel* (District Court of Tel Aviv). – *International Law Reports*. 1953. P. 542.

⁴¹ *The Attorney General of the Government of Israel v. Adolf Eichmann* Para. 38

⁴² *Ibidem*.

ства в отношении тех, кто выступал против его существования⁴³.

В обоснование своих выводов судебная инстанция заявила, что «поскольку уголовная юрисдикция государства в отношении преступлений, совершенных «иностранными правонарушителями» по другим основаниям не вступает в противоречие с принципами международного права, она не ограничивается запретом ретроактивного действия... Все доводы, оправдывающие Нюрнбергские решения, *eo ipse*, оправдывают ретроактивное право, принятое израильским законодателем»⁴⁴. Отметив, что подсудимому по данному делу предъявлено обвинение в реализации «окончательного решения еврейского вопроса», Суд задал риторический вопрос: может ли кто-либо в указанном смысле подвергать сомнению абсолютную криминальность подобных действий?⁴⁵ Как было отмечено проф. У. Шабасом, «хотя судебное преследование за геноцид со стороны национальных юрисдикций является редким явлением, даже в отношении современных событий, есть определенные свидетельства судебных разбирательств по делу о преступлении геноцида в отношении действий, совершенных до вступления Конвенции в силу. Суд над Эйхманом, проходивший в Израиле в начале 1960-х годов, является здесь прекрасным примером» [Schabas 2010:41]. Автор также обратил внимание на непосредственную связь Конвенции геноцида с преследованием А. Эйхмана. Он отметил, что «обвиняемому было предъявлено обвинение в соответствии с законодательством, принятым во исполнение обязательств Израиля по Конвенции. Закон «О нацистах и нацистских коллаборационистах (их наказании), который был принят в 1950 году и явно предназначался для применения с обратной силой, содержал положение, озаглавленное «преступления против Еврейского народа». По сути, оно было идентично определению геноцида в статье 2 Конвенции, за исключением того, что оно не применялось в целом к национальным, этническим, расовым и религиозным группам, а только к «еврейскому народу» [Schabas 2010:46]. Адольф Эйхман был осужден именно на этом основании за действия, совершенные между 1941 и 1945 годами.

Нельзя также не обратить внимание на то, что абсолютный характер запрета *nullum crimen* и *nulla poena sine lege* в отношении общеуголовных преступлений, не подвергается каким-либо дерогациям, ограничивается для целей борьбы с безнаказанностью лиц, совершающих такие деяния, как геноцид, преступления против человечности, военные преступления.

Этот подход был первоначально зафиксирован в региональном, а затем и универсальном инструментарии по правам человека.

Кстати, задолго до начала процесса над А. Эйхманом исключение из правила о запрете ретроактивности предусмотрела Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, принятая 4 ноября 1950 г. Статья 7 (2) указанной конвенции установила, что данная статья не препятствует преданию суду и наказанию любого лица за любое действие или упущение, которое в момент совершения являлось уголовным преступлением в соответствии с общими принципами права, признанными цивилизованными странами [Schabas 2015:351]. Как отмечал один из крупнейших авторитетов в области международного права проф. Кристиан Томушат, «указанное представляет собой перевод Нюрнбергской философии в позитивное право» [Tomuschat 2006:836].

Ограничения в отношении запрета ретроактивности предусматриваются и в других международных инструментах в сфере защиты прав человека, принятых после процесса по делу А. Эйхмана. В частности, согласно ч. 2 ст. 15 Международного пакта о политических и гражданских правах, ничто в настоящей статье не препятствует преданию суду и наказанию любого лица за любое деяние или упущение, которые в момент совершения являлись уголовным преступлением согласно общим принципам права, признанным международным сообществом [Grabenwater 2014:168-179]. Аналогичный подход характерен и для ст. 49 (ч. 2) Хартии Евросоюза об основных правах [Mitsilegas 2014:1394]. Данная статья не препятствует преданию суду и наказанию лица, виновного в действии или бездействии, которые в момент их совершения подлежали уголовной ответственности в соответствии с общими принципами права, признаваемыми сообществом наций.

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ Ibid. Para. 27.

⁴⁵ Ibidem.

4. Проблема определения уголовной юрисдикции по делу Адольфа Эйхмана: принципы универсальности и протективности, доктрина *male captus bene detentus*

Определение вида уголовной юрисдикции в отношении подсудимого оказалось в числе наиболее фундаментальных аспектов уголовного процесса в Окружном суде Иерусалима, поскольку необходимо было установить и тщательно обосновать легитимную связь между преступлениями А. Эйхмана и подлежащим применению юрисдикционным принципом, учитывая, что речь шла об уголовном преследовании со стороны государства, не существовавшего в момент совершения преступных деяний. Более того, не менее сложной проблемой, было и обоснование правомерности установления юрисдикции в контексте способов обеспечения присутствия перед судебной инстанцией лица, который был похищен на территории иностранного государства. Как утверждала защита подсудимого, захват, нелегальная транспортировка для заключения А. Эйхмана под стражу были осуществлены в нарушение основных принципов международного права [Powderly 2010:36] и согласно максиме *ex injuria non oritur jus*⁴⁶ (право не возникает из правонарушения) государство Израиль не имеет права судить его. Обе вышеуказанные проблемы были подвергнуты тщательному анализу в приговоре Окружного суда и со ссылкой на действующее международное право, прецедентную практику, труды известных ученых, судебная инстанция обосновала установление конкретных видов уголовной юрисдикции, применимых в рассматриваемом деле, а также правомерность самого разбирательства в отношении обвиняемого безотносительно к деталям его доставки на территорию Израиля.

Следует обратить внимание, что из тех видов экстерриториальной уголовной юрисдикции, которые гипотетически могли быть применены по данному делу, в наибольшей степени подходящим был принцип универсальности, который обстоятельно был обоснован Окружным судом.

Как отмечается в литературе, «первым делом, в котором опирались на Нюрнбергские принци-

пы и ссылались на универсальную юрисдикцию в отношении военных преступлений, было дело Эйхмана в 1961 г. Оно примечательно тем, что на него опирались все без исключения сторонники универсальной юрисдикции в отношении военных преступлений и преступлений против человечности» [Garrod 2012:809].

Обращение к принципу пассивной персональности не представлялось возможным, поскольку он предполагал возможность уголовного преследования обвиняемых, совершивших преступления против граждан правоприменяющего государства за пределами его территории. Вместе с тем, Окружной суд в своем решении в качестве применимого юрисдикционного основания рассматривал принцип протективности, который будет проанализирован ниже.

Как известно, дело А. Эйхмана не рассматривалось *in absentia* ни Международным военным трибуналом в Нюрнберге, ни военными трибуналами, учрежденными союзниками после окончания войны. При всех сложностях правового свойства, единственным юридическим форумом, где имела возможность осуществления правосудия над военным преступником, была национальная судебная инстанция Израиля. Хотя собственного государства не существовало во время совершения преступлений против еврейского населения, тем не менее, израильские власти без колебаний предоставили собственному суду право вершить правосудие в соответствии с принципом универсальности [Parvikkio 2000:226].

Здесь необходимо сделать небольшое отступление и отметить, что универсальная юрисдикция представляет собой один из принципов экстерриториальной уголовной юрисдикции, основывающейся исключительно на природе деяния безотносительно к месту совершения преступления, гражданству подозреваемого, обвиняемого или потерпевшего, к любой другой связи с государством, осуществляющим юрисдикцию⁴⁷. Как отмечалось в Докладе Международной комиссии по расследованию событий в Дарфуре, «принцип универсальности уполномочивает любое государство привлекать к суду лиц, обвиняемых в международных преступлениях, независимо от места совершения престу-

⁴⁶ О максиме *ex injuria non oritur jus* см. в частности: [Orackhelashvili 2003:37; Lagerwall 2016: 1; Черниченко 2018:6].

⁴⁷ См.: *The Princeton Principles on Universal Jurisdiction*. New Jersey: Princeton. 2001. P. 28. См. подробнее: [Сафаров 2011:82; Universal Jurisdiction...2004:18-38; Reydams 2004:10-15; Inazumi 2005:26; Ryngaert 2015:120-141; O'Keefe 2015:13-14; O'Sullivan 2017:8-9; Kittichaisaree 2018:204-207; Hall 2021:112-114].

пления или гражданства преступника либо потерпевшего. Этот принцип обосновывается тем, что международные преступления представляют собой нападение на международное сообщество в целом и посягают на ценности, разделяемые всеми членами этого сообщества»⁴⁸.

В отличие от других видов юрисдикции, предполагающих некоторую опосредованность (через территорию, на которой было совершено преступление, факторы гражданства обвиняемого и потерпевшего), универсальная юрисдикция основывается на всеобщности осуждения самого преступления [Hall 2006:47-72]. В решении по делу Пиночета лорд Миллет отметил, что международные преступления подпадают под действие универсальной юрисдикции согласно международному обычному праву при наличии двух условий. Во-первых, они должны противоречить императивным (*jus cogens*) нормам международного права. Во-вторых, они должны быть настолько тяжкими и обладать таким масштабом, чтобы расцениваться как нарушение международного правового порядка⁴⁹.

Как отмечает Чарльз Джалло, «универсальная юрисдикция», или же «принцип универсальности», – это уникальное основание для юрисдикции в международном праве, которое может позволить государству осуществлять национальную юрисдикцию в отношении определенных преступлений в интересах международного сообщества. Какого-либо общепринятого на глобальном уровне определения этого понятия не существует, но для рабочих целей его можно описать как уголовную юрисдикцию, исключительно основанную на характере преступления, безотносительно к территории, где оно было совершено, гражданству предполагаемого или осужденного правонарушителя, гражданству потерпевшего или любой другой связи с государством, осуществляющим такую юрисдикцию. Из этого следует, что государство может осу-

ществлять универсальную юрисдикцию в отношении преступления, совершенного иностранным гражданином против другого иностранного гражданина вне его территории. Такая юрисдикция заметно отличается от традиционных оснований для юрисдикции по международному праву, которые, как правило, требуют наличия определенной связи по территории, гражданству или иным признакам между государством, осуществляющим юрисдикцию, и рассматриваемым поведением»⁵⁰.

Согласно резолюции Института международного права, принятой на его сессии в Варшаве в 2005 г., универсальная юрисдикция определялась как дополнительное основание юрисдикции, подразумевающее компетенцию государства по преследованию лиц, предположительно совершивших определенные преступления безотносительно к месту совершения деяния либо иной связи с принципами активной или пассивной персональности или иными принципами юрисдикции, признанными согласно международному праву⁵¹. Является бесспорным то обстоятельство, что универсальная юрисдикция может быть осуществлена тем или иным государством лишь в отношении ограниченного круга преступлений⁵². Указанные деяния характеризуются специфическими свойствами и являются настолько тяжкими, что любое государство может усматривать собственный интерес в преследовании лиц, обвиняемых в их совершении⁵³. В этой связи уместно задать вопрос: являлись ли деяния, совершенные А. Эйхманом настолько тяжкими, чтобы оправдать интервенцию израильских судебных органов, связанную с осуществлением уголовного разбирательства по делу?

Ответ на этот вопрос может быть только утвердительный. По своему масштабу, человеческим жертвам, катастрофическим последствиям для самого понятия «человечности» как качества

⁴⁸ Report of International Commission of Inquiry on Darfur to the United Nations Secretary-General. 25 January 2005. URL: https://www.un.org/ruleoflaw/files/com_inq_darfur.pdf (accessed 07.08.2021). См. также: [Mann 2010:488].

⁴⁹ См.: House of Lords: R. v. Barte and the Commissioner of the Police of the Metropolis, ex. P. Pinochet. Judgment dated March 24, 1999. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/ld199899/ldjudgmt/jd990324/pino8.htm> (accessed 09.08.2021). См. также: [Staker 2014:343; Webb 2020:1539].

⁵⁰ Report of the International Law Commission. Seventieth session (30 April-1 June 2018). URL: https://legal.un.org/ilc/reports/2018/english/annex_A.pdf (accessed 09.08.2021).

⁵¹ Institute of International Law: Universal criminal jurisdiction with regard to the crime of genocide, crimes against humanity and war crimes. 2005. URL: https://www.idi-ii.org/app/uploads/2017/06/2005_kra_03_en.pdf (accessed 10.07.2021). См. подробнее: [Kress 2006:561-585].

⁵² См.: [Randall 1998: 785–788; Bassiouni 1999:229].

⁵³ См. подробнее: [Colangelo 2007:132].

присущего организованному сообществу людей, преступления, совершенные нацистами не имели прецедентов в ходе всей истории развития человечества. Поскольку подобные злодеяния носили экстраординарный характер, для недопущения безнаказанности военных преступников потребовалось использование экстраординарных юридических средств, в числе которых не могла не находиться универсальная юрисдикция. Следует также заметить, что отнесение таких деяний как геноцид, преступления против человечности, военные преступления, пытки к числу преступлений, в отношении которых может быть применена универсальная юрисдикция, является, по нашему мнению, отражением определенного консенсуса между государственно-правовой практикой и *opinio juris*. Не вызывает сомнений, что указанные преступления фундаментальным образом подрывают основы международного правопорядка, что, в свою очередь, легитимизирует использование рассматриваемого вида юрисдикции к обвиняемым [Сафаров 2011:83; Mystris 2021:43].

Применение универсальной юрисдикции в деле Адольфа Эйхмана следует рассматривать как составную часть глобальных усилий на международном уровне по преодолению безнаказанности за исключительно тяжкие преступления против Еврейского народа.

Верховный суд Израиля в своем решении от 29 мая 1962 г. по апелляции А. Эйхмана четко разъяснил, что «все преступления, приписываемые заявителю, не только носят международный характер, но и их пагубные и смертоносные последствия были настолько всеобъемлющими и широкомасштабными, что потрясли международное сообщество до самого основания. Тем самым, государство Израиль имело право, в соответствии с принципом универсальной юрисдикции и в качестве блюстителя международного права и агента по его исполнению, судить заявителя. В таком случае не имеет значения тот факт, что государство Израиль не существовало на момент совершения преступлений» [Scharf 2013:93].

Как справедливо отмечалось в юридической литературе, «согласно общепризнанной доктрине право наказывать за военные преступления не ограничивается государством, граждане которого пострадали или на территории которого

имело место преступное деяние, а принадлежит любому независимому государству, равно как и право наказывать за преступление пиратства... Любое независимое государство согласно международному праву обладает юрисдикцией наказывать пиратов и военных преступников независимо от национальности потерпевших либо места совершения преступления...» [Cowles 1945:177].

Другой вопрос, который возникает при анализе рассматриваемого дела, касается собственного интереса еврейского государства в преследовании геноцида и преступлений против человечности.

В своей вступительной речи на процессе по рассматриваемому делу Генеральный прокурор Израиля Гидеон Хаузнер заявил: «Представ здесь перед Вами, судьи Израиля, чтобы осуществлять обвинение против Адольфа Эйхмана, я стою не один. Со мной в этот час шесть миллионов обвинителей. Но они не могут встать и указать обвиняющим перстом на сидящего на скамье подсудимых и воскликнуть: «Я обвиняю!»... Я буду за них говорить и от их имени предьявлю ужасающий обвинительный акт» [Linton 2009:225].

Тот факт, что государства Израиль не существовало в момент совершения преступлений против европейских евреев, трудно было бы рассматривать как сколь-нибудь релевантный фактор применительно к вопросу о правомерности уголовного преследования А. Эйхмана с позиции международного права, что было однозначно подтверждено судебными инстанциями Израиля⁵⁴. Впоследствии данная позиция была подтверждена в решении Апелляционного суда Соединенных Штатов (Шестой округ) по делу *Demjanjuk v. Petrovsky*, вынесенном в 1985 г. По мнению судебной инстанции, «тот факт, что государства Израиль не существовало, когда И. Демьянюк предположительно совершил преступления, не является препятствием для осуществления Израилем юрисдикции в соответствии с принципом универсальности. При рассмотрении этой юрисдикционной посылки ни гражданство обвиняемого или жертвы (жертв), ни место совершения преступления не имеют значения. Основное предположение состоит в том, что преступления являются преступлениями против законов наций или против

⁵⁴ См.: The Supreme Court of Israel: *Eichmann v Attorney General*. Judgment dated May 29, 1962. URL: https://www.asser.nl/upload/documents/DomCLIC/Docs/NLP/Israel/Eichmann_Appeals_Judgement_29-5-1962.pdf (accessed 09.08.2021).

человечности, и что государство, осуществляющее преследование, действует от имени всех наций. Действуя подобным образом, Израиль или любое другое государство, независимо от его статуса в 1942 или 1943 г., может взять на себя обязательство защищать интересы всех наций, пытаясь наказать виновных в подобных преступлениях»⁵⁵.

Фундаментальный интерес не только еврейского государства, но и всего международного сообщества заключался в том, чтобы восторжествовало правосудие в отношении всех тех, кто планировал и осуществлял бесчеловечный план «окончательного решения еврейского вопроса». Наличие подобного интереса в числе прочих, легитимизируется тем фактом, что большинство преступлений, на которые распространяется универсальная юрисдикция, посягают на мировой публичный порядок, вызывая нарушение императивных (*jus cogens*) норм международного права⁵⁶. В современной доктрине международного уголовного права такие деяния как геноцид, преступления против человечности, военные преступления нередко именуется также как «*jus cogens* преступления» [Bassiouni 1996:63-74; Cryer 2005:101; Ferdinandusse 2006:181-185; Orakhelashvili 2008:288-306].

С другой стороны, обязательства, вытекающие из запрещения отдельных преступных актов, в отношении которых применяется универсальная юрисдикция, относятся к категории обязательств *erga omnes*⁵⁷.

Понятие указанных обязательств было введено в международно-правовой оборот *obiter dictum* Международного суда в деле *Barcelona Traction*, в котором было отмечено, что «существенная разница должна быть проведена между обязательствами государств по отношению к международному сообществу в целом, и обязательствами, которые возникают в отношении

другого государства в рамках дипломатической защиты. По своей природе первые затрагивают все государства. В силу важности вытекающих из них прав, все государства могут считаться имеющими юридический интерес в их защите; обязательства, о которых идет речь, представляют собой обязательства *erga omnes*. Эти обязательства вытекают в современном международном праве, например, из запрещения актов агрессии, геноцида, а также из принципов и норм, касающихся основополагающих прав человеческой личности, включая защиту от рабства и расовой дискриминации... Некоторые из соответствующих прав уже вошли в общее международное право... другие предоставляются международными актами универсального и квази-универсального характера»⁵⁸. Таким образом, речь шла о констатации в современном международном праве определенных обязательств, в защите которых «все государства могут считаться имеющими юридический интерес». Весьма примечательно, что отправной точкой формирования новой концепции международных обязательств явились, в числе прочих, деяния, на которых распространяется универсальная юрисдикция, и в частности, преступление геноцида.

Окружной суд не обошел стороной и некоторые сложные аспекты, касающиеся уголовного преследования и связанные с толкованием ст. VI Конвенции геноцида, которая предусматривала, что «лица, обвиняемые в совершении геноцида или других перечисленных в статье III деяний, должны быть судимы компетентным судом того государства, на территории которого было совершено это деяние, или таким международным уголовным судом, который может иметь юрисдикцию в отношении сторон настоящей Конвенции, признавших юрисдикцию такого суда». Суд, принимая во внимание положения указанной статьи, задался вопросом, каким об-

⁵⁵ U.S. Court of Appeals (6th Cir.): *Demjanjuk v. Petrovsky*. Judgment dated October 31, 1985. URL: https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl-nat.nsf/xsp/.ibmmodes/domino/OpenAttachment/applic/ihl/ihl-nat.nsf/572BCBDE76AC627AC1256D180030E448/CASE_TEXT/Demjanjuk%20case%20-%20Decision%20of%2031%20October%201985.pdf (accessed 09.08.2021). См. также: [Dinstein 1998:20].

⁵⁶ House of Lords: *R v. Bow Street Stipendiary Magistrate and Others, ex Parte Pinochet Ugarte (No 3)*. Judgment dated March 24, 1999. URL: <http://www.uniset.ca/other/cs5/2000AC147.html> (accessed 09.08.2021). См. об этом: [Fox 1999:687-702; Woodhouse 2000; Roht-Arriaza 2001:311-319].

⁵⁷ Об обязательствах *erga omnes* см. подробнее: [Annacker 1994:131-166; Ragazzi 1997; Czaplinski 1999:87-97; Forlati 2001:69-109; Kolb 2003:5-55; Tams 2005:152-207; Lepard 2010:261-269; Thirlway 2014:146-153; Orakhelashvili 2015: 124-132; Cimiotta 2016:687-713; Tanaka 2021:1-33; Ukabiala, Pickard, Yamamoto 2021:236-250].

⁵⁸ *Barcelona Traction, Light and Power Co Case (Preliminary Objection)*. *ICJ Reports*. 1970. P. 3. См. в частности: [Shany 2009:15; Tams, Tzanakopoulos 2010:81-800; De Vet 2013:1-19; Criddle 2013:281-284; Söyler 2015:207-247; Tan 2021:68; Bradley 2021:193-226; Urs 2021:505-525]

разом Израиль может преследовать обвиняемого в совершении преступления, расцениваемого как «геноцид». По его мнению, ответ на это вопрос требовал принятия во внимание различия между обычным правом и нормами конвенционного международного права, т.е. различия, на которое непосредственно содержалось указание в Консультативном заключении Международного суда от 28 мая 1951 г.

Как отметил Окружной суд, Конвенция геноцида одновременно выполняет две роли: во-первых, в сфере международного обычного права она подтвердила всеобщее осуждение данного деяния, в соответствии с которым геноцид независимо того, совершается ли он в мирное или военное время, является преступлением по международному праву. Это подтверждается, как было отмечено в Консультативном заключении Международного суда, «универсальным характером осуждения геноцида», а также признанием цивилизованными народами конвенционных принципов в качестве руководящих начал без каких-либо договорных обязательств. Из «принципов, лежащих в основе Конвенции», *inter alia*, вытекает придание уголовно-наказуемого характера действиям, предусмотренным ст. II [Конвенции геноцида – прим. автора], по образцу которой была сформулирована дефиниция «преступление против Еврейского народа»; уголовная ответственность за любые формы соучастия в преступлении геноцида (ст. III); исключение иммунитета высших должностных лиц и иных представителей государства (ст. IV); исключение геноцида для целей экстрадиции из категории защищаемых «политических преступлений» (ст. VII). Эти принципы «признаны цивилизованными нациями», и в соответствии с Консультативным заключением Международного суда, «являются обязательных для государств, даже без каких-либо договорных обязательств». Это означает, что указанные принципы являются частью международного обычного права. Слова «подтверждают» в ст. I Конвенции и «признают» в Консультативном заключении отражают одобрение и подтверждение *ex tunc*, называемое признанием и подтверждением того факта, что вышеуказанные принципы уже рассматривались как часть международного обычного права во время совершения шокирующих преступлений,

которые привели к принятию резолюции ООН и разработке Конвенции геноцида, т.е. преступления, которое было совершено нацистами. Таким образом, первым аспектом Конвенции, имеющим важное значение для рассматриваемого дела, является подтверждение некоторых принципов как устоявшихся положений в международном обычном праве⁵⁹. Второй аспект Конвенции, это реальная цель, ради которой она была заключена, т.е. определение конвенционных обязательств между договаривающимися сторонами для предупреждения подобных преступлений в будущем и их наказания, в случае совершения подобных деяний. Окружной суд Иерусалима пояснил, что необходимо проводить четкую разделительную линию между положением первой части ст. I Конвенции 1948 г. гласящей, что «геноцид независимо от того, совершается ли он в мирное или военное время, является преступлением по международному праву», т.е. общим положением, подтверждающим принцип международного обычного права, связывающим все государства без каких-либо конвенционных обязательств, и ст. IV Конвенции, представляющей собой специальное положение, в соответствии с которой все договаривающиеся государства сами обязуются рассматривать в своих судебных органах дела о преступлениях, которые могут быть совершены в будущем. В чем бы не заключалась цель этого обязательства по смыслу Конвенции, несомненно, что оно не является частью принципов международного обычного права, которые также обладают обязательной силой вне пределов договорного применения Конвенции⁶⁰.

Применительно к виду уголовной юрисдикции, которая подлежала применению в рассматриваемом деле, Окружной суд заявил, что «нельзя предполагать, что ст. VI устанавливает ограничения принципа территориальности юрисдикции государств, преследующих преступление геноцида. Существует консенсус по поводу, что отсутствие в Конвенции [геноцида] положения, предусматривающего универсальную юрисдикцию, является серьезным дефектом данного договора, которое вероятно ослабляет общие усилия по предотвращению совершения этого отвратительного преступления и наказания его исполнителей, но в этом пробеле не существует ничего такого, что могло бы заставить

⁵⁹ The Attorney-General of the Government of Israel v. Eichmann. Para. 21.

⁶⁰ Ibid. Para. 22.

нас сделать вывод о наличии какой-либо тенденции против универсальности юрисдикции в отношении рассматриваемого преступления. Любое суверенное государство может реализовать свои полномочия в рамках ограничений, существующих в международном обычном праве.

Если бы статья VI Конвенции означала бы, что обвиняемый в совершении геноцида, может быть судим только «компетентным судом того государства, на территории которого было совершено это деяние» (или «международным судом», который, еще не был учрежден), это не соответствовало бы самому предмету конвенции «предупреждать геноцид и наказывать за него»⁶¹.

Принимая во внимание подход Международного суда, отраженный в его решении от 5 февраля 1970 г. по делу *Barcelona Traction* и связанный с обязательствами *erga omnes*, безусловно, следует заявить о наличии у государства Израиль «юридического интереса» в уголовном преследовании лица, несущего прямую ответственность за геноцид против Еврейского народа. Можно безошибочно утверждать, что реализуя подобного рода интерес, Израиль выступал не только от своего собственного имени, но и осуществлял превентивную и карательную функцию, входящую в предмет ответственности, как отдельных членов мирового объединения государств, так и международного сообщества в целом.

В качестве второго юрисдикционного базиса Окружной суд рассматривал принцип протективности, заявив, что помимо наличия в данном деле юрисдикции в соответствии с международным правом, не менее важным является вопрос об особой связи Израиля с имевшими место международными преступлениями, принимая во внимание, что народ Израиля – еврейское население [Ha'am Ha'yehudi – термин, используемый в израильском законодательстве], было целью и жертвой большинства указанных преступлений. Судебная инстанция обратила внимание на то, что ««право наказывать» обвиняемого вытекает из двух кумулятивных источников: универсального источника, предусматривающего право преследования и наказания преступлений в любом из государств мировой семьи наций и особого или национального ис-

точника, предоставляющего потерпевшей нации право судить любого, кто покушается на ее существование. Это второе основание уголовной юрисдикции соответствует, согласно признанной терминологии, протективному принципу или *compétence réelle*»⁶². Суд подчеркнул, что «сторона защиты допускает ошибку в анализе принципа протективности в ретроактивном Законе с учетом времени совершения преступлений, как это имеет место в случае применения обычного законодательства. Рассматриваемый Закон был принят в 1950 г. с целью распространить его применение на специфический период времени, охватывающий срок в пять лет, предшествующий моменту его принятия. Защищаемые интересы государства признаны согласно протективному принципу в данном деле в качестве интересов, существовавших во время принятия Закона [о нацистах и нацистских коллаборационистах (их наказании) – прим. автора]»⁶³. Таким образом, Окружной суд установил связь между преступлениями А. Эйхмана и государством Израиль с учетом их непосредственной направленности против евреев и особой связи Еврейского народа с Израилем. Кроме того, судебная инстанция особо подчеркнула тот факт, что Израиль в большей степени, чем какое-либо другое государство озабочено фактом совершения преступлений, предусмотренных Законом 1950 г., что позволяет осуществить юрисдикцию в рассматриваемом деле, если это не нарушает международного права⁶⁴.

Другим фундаментальным аспектом процесса над Адольфом Эйхманом, в связи с которым со стороны защиты подсудимого были выдвинуты возражения, был вопрос о его похищении и доставке на территорию Израиля. Как отмечается в литературе, юридическая сага дела Эйхмана берет свое начало не от организации судебного процесса в Израиле, а с событий, сопровождавших его похищение 11 мая 1960 г. в Аргентине [Wenig 1997:112].

Представив свои аргументы против судопроизводства в отношении А. Эйхмана, его защита настаивала на том, что уголовное преследование обвиняемого в Израиле после его похищения с территории иностранного государства не

⁶¹ The Attorney-General of the Government of Israel v. Eichmann. Para. 23.

⁶² The Attorney-General of the Government of Israel v. Eichmann. Para. 30.

⁶³ Ibid. Para. 3.

⁶⁴ Ibid. Para. 32-35. См. также: [Makoto 2015:342]

соответствует международному праву и представляет собой расширение юрисдикционной компетенции израильского судебного органа, не позволяющее в подобных обстоятельствах осуществлять уголовную юрисдикцию в данном деле.

Парируя утверждения защиты А. Эйхмана, сторона обвинения обратила внимание на то, что проблема ареста и трансфера подсудимого уже была предметом обсуждения в Совете Безопасности ООН, который отметил, что он может предстать именно перед данным судом. С другой стороны, никто не обратился для уголовного преследования А. Эйхмана с запросом об экстрадиции и в этой связи не имеется конфликта между государством Израиль и любым другим государством [Minerbi 2011:10-11]. Было также обращено внимание на то, что юрисдикция суда основывается на положениях Закона 1950 г., который применяется в отношении подсудимого и касается его действий, получивших отражение в обвинительном заключении. Обязанность судебного органа заключается не в чем ином, как в осуществлении судопроизводства по фактам совершения указанных действий⁶⁵. Следует также отметить, сторона обвинения прямо указала на то, что согласно устоявшейся прецедентной практике ряда государств, а также самого Израиля, суд, рассматривающий дело, не должен входить в анализ обстоятельств ареста лица и переносить их в сферу юрисдикции. Подобного рода вопросы не влияют на юрисдикцию судебного органа, позволяющего осуществлять рассмотрение дела в отношении обвиняемого, а касаются только внешних сношений государства⁶⁶.

Как заявил Окружной суд, «согласно устоявшейся норме права, лицо, представшее перед судом, за нарушение законов государства, не может возражать против судебного разбирательства по причине незаконности ареста либо способов его доставки в сферу юрисдикции государства. Суды Англии, Соединенных Штатов и Израиля неоднократно постановляли, что обстоятельства ареста и способ, посредством которого обеспечено

присутствие лица на территории государства, не имеют отношения к судебному процессу и последовательно отказывались входить в рассмотрение указанных обстоятельств»⁶⁷. Окружной суд Иерусалима также провел обстоятельный анализ прецедентной практики судебных инстанций различных государств, сослался на труды известных ученых-международников, доктринальные источники для обоснования правомерности осуществления юрисдикции. Квинтэссенция этого анализа сводилась к тому, что способ доставки обвиняемого не влияет на юрисдикцию судебной инстанции, что позволяет ей рассматривать дело А. Эйхмана по обвинению в тяжких преступлениях против Еврейского народа.

Применительно к упомянутой части судебного решения и для того, чтобы понять его логику необходимо сделать краткий экскурс в теорию и практику западной юриспруденции, изобилующей различными примерами насильственного похищения обвиняемых на территориях иностранных государств для обеспечения их присутствия в судебных инстанциях. Расширение подобного рода «экстерриториальной» юрисдикции подтверждается и в соответствующих правовых доктринах, выраженной в принципе *male captus bene detentus*,⁶⁸ согласно которому суд может установить юрисдикцию над обвиняемым независимо от обстоятельств его ареста⁶⁹.

Например, судебная практика Соединенных Штатов, на которую сослался Окружной суд Иерусалима, изобилует подобного рода примерами, причем независимо от способа доставки обвиняемых, их похищение не рассматривается как нарушение права за надлежащую правовую процедуру и не лишает судебные органы возможности рассмотрения дела в соответствии с законами США. При этом принцип *male captus bene detentus* нашел свое отражение в доктрине Кера — Фрисби (*Ker-Frisbie doctrine*), названной так по фамилиям двух похищенных лиц, дела которых *Ker v. Illinois* (1886)⁷⁰ и *Frisbie v. Collins* (1952)⁷¹

⁶⁵ The Attorney-General of the Government of Israel v. Eichmann. Para. 40.

⁶⁶ Ibidem.

⁶⁷ Ibid. Para. 41.

⁶⁸ См.: [Mohit 2006:123-126; Paulussen 2014:19-29].

⁶⁹ См.: [Сафаров 2005:124; Сафаров 2006:393-394; Baker, Röben 1993:567-568; Paulussen 2011:29; Iraola 2011:694-697; Vlasic, De Sousa 2015:135-137; Detter 2016:457; Ireland-Piper 2017:155-157].

⁷⁰ US Supreme Court: *Ker v. Illinois*. December 6, 1886. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/119/436/> (accessed 10.07.2021).

⁷¹ US Supreme Court: *Frisbie v. Collins*. March 10, 1952. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/342/519/> (accessed 10.07.2021).

впоследствии стали предметом судебного разбирательства⁷².

В деле Кера против постоянно проживающего в Перу лица большим жюри Иллинойса было выдвинуто обвинение в воровстве и растрате. В соответствии с Договором об экстрадиции между США и Перу его должны были выдать американским властям, но, поскольку указанные события произошли в период войны между Перу и Чили, вооруженные силы которой контролировали Лиму, вместо осуществления экстрадиции Кер был насильственно похищен и на борту американского судна доставлен в США. Впоследствии его осудили в штате Иллинойс. Верховный суд отклонил аргументы Кера о том, что на основании Договора с США он пользовался правом убежища, и определил, что его похищение не нарушило положение о надлежащей правовой процедуре (*due process of law*), гарантированное XIV Поправкой. Суд сослался на требование, согласно которому лицо должно быть обвинено и подвергнуто судебному преследованию в соответствии с формами и методами, установленными для подобного рода судебных разбирательств⁷³.

В другом деле (*Frisbie*) заключенный, обращаясь с ходатайством о *habeas corpus*, отмечал, что доставлен из Иллинойса в Мичиган только после того, как был похищен и на него надели наручники полицейские, которые были направлены на его поиски. Он указывал, что его осуждение нарушает положение о надлежащей правовой процедуре, предусмотренной XIV Поправкой, так же как и *Federal Kidnapping Act*, вследствие чего оно должно быть признано не имеющим юридической силы. Однако Суд отклонил его ходатайство, сославшись на дело *Ker v. Illinois*. Таким образом, доктрина *Кера — Фрисби*, вне зависимости от способов установления юрисдикции, допускает судебное разбирательство по делу и ограничивает надлежащую правовую процедуру лишь гарантиями законного и справедливого судебного разбирательства. Этот подход был подтвержден целой серией дел, рассмотренных судебными инстанциями США (в частности, *US v. Verdugo-Urquidez*, *US v. Alvarez-Machain*, *US v. Matta-Ballesteros* и др.). Похищение иностранцев за рубежом, осуществление различных принуди-

тельных действий в отношении как их самих, так и принадлежащего им имущества, инициировало обсуждение ряда проблем, связанных с конституционностью подобных действий, а также с правовой защитой, гарантируемой IV Поправкой.

В литературе в подавляющем большинстве случаев отмечается, что хотя похищение обвиняемых с территории иностранного государства заведомо нарушает его суверенитет, вместе с тем, незаконность ареста не препятствует суду осуществить юрисдикцию над указанным лицом [Bassiouni 2014:275].

Для того, чтобы опровергнуть доводы защиты в сегменте влияния нелегального захвата и доставки А. Эйхмана в Израиль на установление уголовной юрисдикции, Окружной суд использовал аргументацию, согласно которой, по его мнению, вопрос не должен рассматриваться в контексте нарушения норм международного права, а его следует расценивать в плоскости двусторонних межгосударственных отношений. По заявлению судебного органа, урегулирование проблемы должно быть достигнуто исключительно на подобном уровне.

Суд также выразил отношение к проблеме возможного иммунитета обвиняемого, исходя из статуса беженца, предоставленного со стороны суверенного государства. Он признал данный аспект утверждений, неподходящими по двум основаниям: а) согласно устоявшейся норме международного права иммунитет не защищает правонарушителя за исключением случаев, когда он был экстрадирован со стороны государства убежища запросившей его выдачу на основании обвинения в совершении определенного преступления, чего в случае А. Эйхмана не имеется. Обвиняемый не был передан Аргентиной Израилю и последний не связан с Аргентиной каким-либо соглашением для преследования обвиняемого за любое иное конкретное преступление, нежели то, которое является предметом разбирательства в данном деле; б) право убежища и предоставления иммунитета принадлежат государству убежища, но не правонарушителю, который не может настаивать на том, что иностранное суверенное государство гарантировало ему за-

⁷² Подробнее см.: [Landis 1991:571-573; Schwabach, Patchett 1993:20-28; Carlisle 1993:1544-1546; Kovac 2002:633-635; Bassiouni 2014:278-280].

⁷³ О надлежащей правовой процедуре см. например: [The Arc... 2013].

⁷⁴ *The Attorney-General of the Government of Israel v. Eichmann*. Para 52.

щиту против своей воли. Обвиняемый являлся разыскиваемым военным преступником, когда нашел прибежище на территории Аргентины с помощью поддельных данных. Только после его захвата и доставки в Израиль была установлена его личность и после переговоров между двумя правительствами Аргентина отказалась от требования о его возвращении, заявив, что инцидент исчерпан. Тем самым, правительство Аргентины определенно отказалось предоставлять обвиняемому какую-либо защиту. Лицо предстало перед судом того государства, которое обвинило его в совершении тяжких преступлений против израильских законов. В этой связи лицо не обладает иммунитетом от уголовного преследования и должно нести ответственность за преступления, указанные в обвинительном заключении⁷⁴.

На наш взгляд, уместным для аргументации Окружного суда Иерусалима в данной части судебного решения могла оказаться и ссылка на Конвенцию о статусе беженцев от 14 декабря 1951 г., которая была ратифицирована Израилем 1 октября 1954 г.

Указанная Конвенция получила широкую известность, прежде всего, наличием своих проективных элементов, которые предоставлялись лицам, ищущим убежища. Однако не менее важными являлись и ограничительные клаузулы данного международного договора, цель которых сводилась к исключению злоупотребления правами и преимуществами, вытекающими из статуса беженца [Bond 2013:17]⁷⁵.

Как известно, согласно ст. 1F (a) предусматривалось, что положения настоящей Конвенции не распространяются на всех тех лиц, в отношении которых имеются серьезные основания предполагать, что они совершили преступление против мира, военное преступление или преступление против человечности в определении, данном этим деяниям в международных актах, составленных в целях принятия мер в отношении подобных преступлений. Принятая всего через шесть лет после окончания Второй мировой войны Конвенция 1951 г. не могла не учитывать тяжелое наследие прошедших событий, исключив предоставление любой формы защиты, вытекающей из данного международно-правового

акта лицам, причастным к совершению тяжких международных преступлений.

Как отмечается в литературе, после беспрецедентных злодеяний Второй мировой войны, их моральная неприемлемость могла бы ослабить публичную поддержку правового режима беженцев в тех местах, где подобные лица стремились получить поддержку. В этой связи положениям ст. 1F был придан императивный характер для того, чтобы сделать невозможным осуществление дискреции по предоставлению статуса беженца без оценки поведения лица, ищущего убежище, в соответствии со стандартами указанной статьи.

В отличие от «неполитических» преступлений, предусмотренных ст. 1F (b), деяния, предусмотренные в ст. 1F (a) – преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности, являются международными в силу своей природы. Как и Конвенция о статусе беженцев, эти преступления были сформулированы после Второй мировой войны. Хотя иммиграционные процессы являются по своему характеру гражданско-правовыми, а не уголовными, ст. 1F (a) не может быть правильно понята без признания ее связи с международным уголовным правом [Egelman 2018:465]. При этом ст. 1F (a) касается «международных преступников», которые вследствие их «вклада» в «серьезные, постоянные и системные нарушения основных прав человека» не могут «правомерно претендовать на получение убежища» [Billingsley 2015:101].

Следует также иметь в виду, что еще до принятия Конвенции в числе первых юридических инструментов, содержащих положения об исключении из механизма защиты беженцев находились Конституция международной организации беженцев 1946 г. и Всеобщая декларация прав человека 1948 г. [Simentić 2019:112].

В частности, согласно Приложению I (часть вторая) в числе лиц, не подлежащих компетенции Организации беженцев, находились военные преступники, квислинги и предатели (п. 1)⁷⁶. Что касается Всеобщей декларации, то согласно ст. 14 (2) право искать убежища от преследования в других странах и пользоваться этим убежищем не может быть использовано в случае

⁷⁵ См. подробнее: [The 1951 Convention...2011].

⁷⁶ Constitution of the International Refugee Organization of 10 December 1946. URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=IND&mtdsg_no=V-1&chapter=5&clang=_en (accessed 10.07.2021).

преследования, в действительности основанного на совершении не политического преступления, или деяния, противоречащего целям и принципам Организации Объединенных Наций⁷⁷. Указанные нами моменты, *inter alia*, являлись релевантными для процессов, подобных тому, которые рассматривал Окружной суд Иерусалима в отношении военного преступника А. Эйхмана.

Как было заявлено председателем Совета Безопасности ООН в отношении событий, имевших место на территории Руанды, «те, кто несет ответственность за серьезные нарушения международного гуманитарного права и акты геноцида должны предстать перед правосудием..., они не обладают иммунитетом в стране, где скрываются и положения Конвенции о статусе беженцев не применяются к подобным лицам»⁷⁸.

5. Заключение

Окружной суд Иерусалима, проведя в течение восьми месяцев 121 сессию, вынес приговор в отношении Адольфа Эйхмана. Хотя наказание в виде смертной казни по соответствующим статьям Закона «О нацистах и нацистских коллаборационистах (их наказании)» носило альтернативный характер, бесчеловечная природа совершённых преступлений, исключая какое-либо снисхождение и абсолютное отсутствие смягчающих обстоятельств, обусловили назначение высшей меры уголовно-правового реагирования.

Верховный суд Израиля, действующий в качестве апелляционной инстанции, 29 мая 1962 г., по тем же основаниям, которыми был обоснован приговор, оставил его в силе, подчеркнув, что законодатель «не мог представить себе большего преступника, нежели Адольф Эйхман и если мы не хотим объявить недействительной волю законодателя, то должны наложить на Эйхмана максимальное наказание, предусмотренное в Разделе 1, а именно – смертную казнь». На следующий день после вынесения приговора, А. Эйхман обратился к Президенту Израиля Ицхаку Бен-Цви с прошением о помиловании, однако, глава

государства 31 мая принял решение об оставлении в силе приговора⁷⁹, который был приведен в исполнение 1 июня в тюрьме Рамле [Straschnov 2013:528].

Таким образом, завершился процесс по делу нацистского функционера, несущего непосредственную ответственность за бесчеловечные действия, связанные с отрицанием права на существование целого народа, шесть миллионов представителей которого пали жертвой фашистского режима.

Суд над А. Эйхманом, почти повсеместно признанный универсально необходимым [Koskeniemi 2002:3], ознаменовал собой не только осуществление правосудия над геноцидарием, вложившим свою энергию и таланты в осуществление «окончательного решения еврейского вопроса», но и предоставил выжившим и членам семей жертв Холокоста широкую арену мирового масштаба для того, чтобы они могли поведать всему миру свои личные истории о преследованиях в период нацистского режима, не имевших прецедента [Bryant 2012:339]. Как было отмечено Эли Розенбаумом, «дело Адольфа Эйхмана явилось чрезвычайно позитивной вехой в истории обеспечения соблюдения прав человека и усилий по привлечению к уголовной ответственности от имени жертв геноцида. Оно возродило мировой интерес к преступлениям нацистского режима и его европейских союзников - интерес, который уже резко снизился за несколько лет, прошедших с момента завершения великого Нюрнбергского эксперимента в середине-конце 1940-х годов» [Rosenbaum 2012:387].

Этот процесс также явился убедительным свидетельством того, что неминуемое возмездие достигнет любого преступника, виновного в деяниях, посягающих на фундаментальное понятие человечности. Даже по прошествии более чем шестидесяти лет, перипетии судебного разбирательства по делу А. Эйхмана не теряют своей актуальности, являясь одним из наиболее значимых эпизодов послевоенной истории уголовных процессов над военными преступниками, вошедшим в себя сложнейшие проблемы международной дипломатии и международного права.

⁷⁷ Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 10.07.2021).

⁷⁸ UN: Statement by the President of the Security of Council. October 14, 1994. URL: <https://undocs.org/S/PRST/1994/59> (accessed 10.07.2021).

⁷⁹ См.: [Pearlman 1963:627; Friedman 1994:602].

Список литературы

1. Глотова С. В. 2016. Преступления против человечности: генезис и современное понимание концепции. – *Журнал зарубежного и сравнительного законодательства*. № 3. С. 101-109.
2. Звягинцев А. Г. 2006. *Нюрнбергский набат: репортаж из прошлого, обращение к будущему*. М.: ОЛМА Медиа Групп. 1120 с.
3. Сафаров Н.А. 2005. *Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики*. М.: Волтерс Клувер. 415 с.
4. Сафаров Н.А. 2006. Насильственное похищение обвиняемых: теория и практика западной юриспруденции. – *Российский ежегодник уголовного права*. № 1. С. 392-410.
5. Сафаров Н.А. 2011. Преследование международных преступлений: универсальная юрисдикция против дипломатического иммунитета. – *Государство и право*. № 9. С. 81-92.
6. Черниченко С.В. 2018. Максима «право не возникает из правонарушения» и сменяемость императивных норм международного права. – *Правоведение*. № 1. С. 6-19.
7. Ambos K. 2021. *Treatise of International Criminal Law. Vol. I: Foundations and General Part*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press. 656 p. DOI: 10.1093/law/9780199657926.001.0001
8. Annacker C. 1994. The Legal Regime of Erga Omnes Obligations in International Law. – *Austrian Journal of Public and International Law*. Vol. 46. No. 2. P. 131-166.
9. Arendt H. 1963. *Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil*. New York: The Viking Press. 275 p.
10. *Argentine Jews or Jewish Argentines? Essays of Ethnicity, Identity, and Diaspora*. Ed. by R. Rein. 2010. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers. 312 p.
11. *Asia: Middle East Record*. Vol. 1. Ed. by Y. Oron. 1962. London: Weidenfeld & Nicolson. 582 p.
12. Bach G. 2011. Genocide (Holocaust) Trials in Israel. – *The Nuremberg Trials: International Criminal Law Since 1945: 60th Anniversary International Conference*. Ed. by H.R. Reginbogin, C. Safferling, W. de Gruyter. München: K.G. Sauer Verlag GmbH. P. 216-223.
13. Baker b., Röben V. 1993. To Abduct or to Extradite: Does a Treaty Beg the Question?. – *Heidelberg International Law Journal*. Vol. 53. P. 657-688.
14. Bassiouni C. 1996. International Crimes: Jus Cogens and Obligatio Erga Omnes. – *Law and Contemporary Problems*. Vol. 59. No. 4. P. 63-74.
15. Bassiouni C. 1999. *Crimes against Humanity in International Criminal Law*. 2nd ed. The Hague: Kluwer Law International. 652 p.
16. Bassiouni C. 2011. *Crimes against Humanity: Historical Evolution and Contemporary Application*. Cambridge: Cambridge University Press. 884 p.
17. Bassiouni C. 2014. *International Extradition: United States Law and Practice*. 6th ed. Oxford: Oxford University Press. 1233 p.
18. Bazylar M.J., Tuerkheimer F.M. 2014. *Forgotten Trial of the Holocaust*. New York: New York University Press. 390 p.
19. Bazylar M. J. 2016. *Holocaust, Genocide, and the Law: A Quest for Justice in a Post-Holocaust World*. Oxford: Oxford University Press. 281 p. DOI:10.1093/acprof:oso/9780195395693.001.0001
20. Bazylar M.J., Scheppach J.Y. 2012. The Strange and Curious History of the Law Used to Prosecute Adolf Eichmann. – *Loyola of Los Angeles International & Comparative Law Review*. Vol. 34. P. 417-461.
21. Beigbeder Y. 2005. *International Justice against Impunity: Progress and New Challenges*. Boston; Leiden: Martinus Nijhoff. 247 p.
22. Bradley M. 2021. Jus Cogens' Preferred Sister: Obligations Erga Omnes and the International Court of Justice – Fifty Years after the Barcelona Traction. – *Peremptory Norms of General International Law (Jus Cogens): Disquisitions and Disputations*. Ed. by D. Tladi. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers. P. 193-226. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004464124_009
23. Ben-Naftali O., Tuval Y. 2006. Punishing International Crimes Committed by the Persecuted: The Kapo Trials in Israel (1950-1960). – *Journal of International Criminal Justice*. Vol. 4. No. 1. P. 128-178.
24. Bryant M. 2012. Eichmann in Jerusalem and in West Germany: Eichmann Trial Witnesses and the West German Prosecution of Operation Reinhard Crimes, 1958–1966. – 2012. *Loyola of Los Angeles International & Comparative Law Review*. Vol. 34. P. 339-385.
25. Bilsky L. 2014. The Eichmann trial: Towards a jurisprudence of eyewitness testimony of atrocities. – *Journal of International Criminal Justice*. Vol. 12. Issue 1. P. 27-57.
26. Bilsky L., Klagsburn R. 2018. Cultural Genocide: Between Law and History. – *The Oxford Handbook of Legal History*. Ed. by M. D. Dubber and Chr. Tomlins. Oxford: Oxford University Press. P. 1081-1094. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198794356.013.58
27. Bond J. 2013. Principled Exclusion: A Revised Approach to Article 1(F)(a) of the Refugee Convention. – *Michigan Journal of International Law*. Vol. 35. Issue No. 1. P. 15-78.
28. Cassese A. 2009. Eichmann: Is Evil So Banal? – *Journal of International Criminal Justice*. Vol. 7. Issue No. 3. P. 645-652.
29. *Cassese's International Criminal Law*. 3rd ed. Ed. by A. Cassese [et. al.]. 2013. Oxford: Oxford University Press. 472 p.
30. Cowles W.B. Universality of Jurisdiction over War Crimes. – *California Law Review*. 1945. Vol. XXXIII. N 2. P. 177-218.
31. Cryer R. 2005. *Prosecuting International Crimes: Selectivity and International Criminal Law Regime*. Cambridge: Cambridge University Press. 347 p.
32. Brown A. 2015. *Judging "Privileged" Jews: Holocaust Ethics, Representation and the "Grey Zone"*. New York: Berghahn. 222 p.
33. Carlisle J. 1993. Extradition of Governments Agents as Municipal Law Remedy for state-Sponsored Kidnapping. – *California Law Review*. Vol. 81. No.6. P. 1541-1586.
34. Cimiotta E. 2016. The Relevance of Erga Omnes Obligations in Prosecuting of International Crimes. – *Heidelberg Journal of International Law*. Vol. 76. P. 687-713.
35. Colangelo A. 2007. Constitutional Limits on Extraterritorial Jurisdiction: Terrorism and the Intersection of National and International Law. – *Harvard International Law Journal*. Vol. 48. No. 1. P. 121-201.
36. Douglas L. 2001. *The Memory of Judgment: Making Law and History in the Trials of the Holocaust*. New Haven and London: Yale University Press. 318 p.
37. Criddle E. 2013. Standing for Human Rights Abroad. – *Cornell Law Review*. Vol. 100. P. 269-333.
38. Cwik Chr. 2009. The other Immigration to Argentina: The Case of Adolf Eichmann. – *Clío América*. Vol. 3. Issue 5. P. 85-103.
39. Ferdinandusse W.N. 2006. *Direct Application of Interna-*

- tional Criminal Law in National Courts*. The Hague: T.M.C. Asser Press. 338 p.
40. Czaplinski W. 1999. Concepts of Jus Cogens and Obligations Erga Omnes in International Law in the Light of Recent Developments. – *Polish Yearbook of International Law*. Vol. 23. P. 87-97.
 41. Detter I. 2016. *The Law of War*. 3rd ed. London; New York: Routledge. 568 p.
 42. De Vet E. 2013. Invoking Obligations Erga Omnes in the Twenty-First Century: Progressive Developments since Barcelona Traction. – *South African Yearbook of International Law*. Vol. 38. P. 1-19.
 43. Dinstein Y. 1998. The Universality Principle and War Crimes. – *International Law Studies*. Vol. 71. P. 17-37.
 44. Drumbl M. 2016. Victims who Victimise. – *London Review of International Law*. Vol. 4. Issue 2. P. 217-247. DOI: <https://doi.org/10.1093/lril/lrw015>
 45. Feldestein A. 2006. *Ben-Gurion, Zionism and American Jewry: 1948-1963*. London: Routledge. 240 p.
 46. Forlati S. 2001. Azioni dinanzi alla Corte internazionale di giustizia rispetto a violazioni di obblighi erga omnes. – *Rivista di diritto internazionale*. No. 1. P. 69-109.
 47. Fournet C. 2007. *The Crime of Destruction and the Law of Genocide: Their Impact on Collective Memory*. Aldershot: Ashgate Publishing. 175 p.
 48. Fox F. 1999. The Pinochet Case No. 3. – *The International and Comparative Law Quarterly*. Vol. 48. Issue 3. P. 687-702.
 49. Friedman J. 1994. Arendt in Jerusalem, Jackson at Nuremberg: Presuppositions of the Nazi War Crimes Trials. – *Israel Law Review*. Vol. 28. Issue 4. P. 601-625. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0021223700011778>
 50. Frilling T. A. 2014. *Jewish Kapo in Auschwitz: History, Memory, and the Politics of Survivor*. Waltham: Brandeis University Press. 340 p.
 51. Garrod M. 2012. The Protective Principle of Jurisdiction Over War Crimes and Hollow Concept of Universality. – *International Criminal Law Review*. Vol. 12. No. 5. P. 763-826.
 52. Grabenwater C. 2014. *European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms: Commentary*. Oxford; Portland: C.H. Beck; Nomos; Hart. 600 p.
 53. Green L. 1960. The Eichmann Case. – *Modern Law Review*. Vol. 23. P. 507-515.
 54. Green L. 1963. The Maxim Nullum Crimen Sine Lege and the Eichmann Trial. – *British Yearbook of International Law*. Vol. 38. P. 457-471.
 55. Hall C. K. 2006. Universal Jurisdiction: New Uses for an Old Tool. – *Justice for Crimes against Humanity*. Ed. by M. Lattimer and P. Sands. Oxford: Portland, Oregon: Hart Publishing. P. 47-72.
 56. Hall C. K. 2003. Contemporary Universal Jurisdiction. – *Human Rights and Criminal Justice for Downtrodden: Essays in Honour of Asbjørn Eide*. Ed. by M. Bergsmo. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers. P. 111-138.
 57. Harel I. 1975. *The House on Garibaldi Street*. London: Routledge. 287 p.
 58. Harris D.J. 1998. *Cases and Materials on International Law*. London: Sweet&Maxwell. 779 p.
 59. *Hierarchy in International Law: The Place of Human Rights*. Ed. by E. de Wet, J. Vidmar. 2012. Oxford: Oxford University Press. 330 p. DOI: DOI:10.1093/acprof:oso/9780199647071.001.0001
 60. *Human Rights and Criminal Justice for the Downtrodden: Essays in Honour of Asbjørn Eide*. Ed. by M. Bergsmo. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers. 2003. 825 p.
 61. Inazumi M. 2005. *Universal Jurisdiction in Modern International Law*. Utrecht: Intersentia. 274 p.
 62. Iraola R. 2011. Jurisdiction, Treaties, and Due Process. – *Buffalo Law Review*. Vol. 59. No. 3. P. 693-714.
 63. Ireland-Piper D. 2017. *Accountability in Extraterritoriality: A Comparative and International Law Perspective*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 208 p.
 64. Jaspers K. Who Should Have Tried Eichmann? – *Journal of International Criminal Justice*. 2006. Vol. 4. No. 4. 853-858.
 65. Jockusch L. 2021. Prosecuting "Crimes against Jewish People": The Eichmann Trial and the History of a Legal Concept. – *Eichmann Trial Reconsidered*. Ed. by R. Wittmann. Toronto: University of Toronto Press. P. 75-103.
 66. Kelsen H. 1943. Collective and Individual Responsibility in International Law with Particular Regard to Punishment of War Criminals. – *California Law Review*. Vol. 31. No. 5. P. 530-571.
 67. Kelsen H. 1945. *General Theory of State and Law*. Cambridge: Harvard University Press. 516 p.
 68. Keren M. 1991. Ben-Gurion's Theory of Sovereignty: The Trial of Adolf Eichmann. – *David Ben-Gurion: Politics and Leadership in Israel*. Ed. by R.W. Zweig. New York: Routledge. P. 38-51.
 69. Kittichaisaree K. 2018. *The Obligation to Extradite or Prosecute*. Oxford: Oxford University Press. 400 p.
 70. Kittrie N. 1964. A Post Mortem of the Eichmann Case - The Lessons for International Law. – *Journal of Criminal Law and Criminology*. Vol. 55. No.1. P. 16-28.
 71. Kolb R. 2003. Théorie du Jus Cogens International. – *Revue Belge de Droit Internationale*. Vol. 36. No. 1. P. 5-55.
 72. Koskeniemi M. 2002. Between Impunity and Show Trial. – *Max-Planck Yearbook of UN Law*. Vol. 6. P. 1-21.
 73. Kovac M.A. 2002. Apprehension of War Crimes Indictees: Should the United Nations' Courts Outsource Private Actors to Catch Them? – *Catholic University Law Review*. Vol. 51. No. 2. P. 619-653.
 74. Kress C. 2006. Universal Jurisdiction over International Crimes and the Institute de droit International. – *Journal of International Criminal Justice*. Vol. 4. No. 3. P. 561-585.
 75. Lagerwall A. 2016. *Le principe ex injuria jus non obitur en droit international*. Bruxelles: Bruylant. 634 p.
 76. Landis K.T. 1991. The Seizure of Noriega: A challenge Ker-Frisbie Doctrine. – *American University International Law and Policy Journal*. Vol. 6. Issue 4. P. 571-607.
 77. Landsman S. 2012. The Eichmann Case and the Invention of the Witness-Driven Atrocity Trial. – *Columbia Journal of Transnational Law*. Vol. 51. No. 1. P. 77-87.
 78. Lasok D. 1962. The Eichmann Trial. – *International & Comparative Law Quarterly*. Vol. 11. Issue 2. P. 355- 374. DOI: <https://doi.org/10.1093/iclqaj/11.2.355>
 79. Lepard B. 2010. *Customary International law: A New Theory with Practical Application*. Cambridge: Cambridge University Press. 440 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511804717>
 80. Linton S. 2009. The Role of Judges in Dealing with the Legacies of the Past. – *The Global Community Yearbook of International Law and Jurisprudence*. 2009. Vol. I. New York: Oceana. P. 203-248.
 81. Lippert D. 1962. The Eichmann Case and the Nuremberg Trials. – *American Bar Association Journal*. Vol. 48. No. 8. P. 738-741.
 82. Lippman M. 2002. Genocide: The Trial of Adolf Eichmann and the Quest for Global Justice. – *Buffalo Human Rights*

- Law Review*. Vol. 8. P. 45-121.
83. Liskofsky S. 1961. The Eichmann Case. – *The American Jewish Year Book*. Vol. 62. P. 199-208.
 84. Longrich P. 2010. *Holocaust: The Nazi Persecution and Murder of the Jews*. Oxford: Oxford University Press. 645 p.
 85. Macoto S. 2015. Expanding the Scope of Universal Jurisdiction through Municipal Law: From Piracy to the Crime of Aggression via Eichmann Trial. – *Historical Origins of International Criminal Law. Volume 4*. Ed. by M. Bergsmo [et. al.]. Oslo: Torkel Opsahl Academic EPublisher. P. 339-366.
 86. Mann I. 2010. The Dual Foundation of Universal Jurisdiction: Towards a Jurisprudence for the “Court of Critique”. – *Transnational Legal Theory*. Vol. 1. Issue 4. P. 485-521.
 87. Maogoto J. 2009. The Work of National Military Tribunals under Control Council Law 10. – *The Legal Regime of the International Criminal Court: Essays in Honour of Professor Igor Blishchenko*. Ed. by J. Doria, H.-P. Gasser, C. Basiouni. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers. P. 51-62. DOI: <https://doi.org/10.1163/ej.9789004163089.i-1122.21>
 88. Minerbi S. 2011. *The Eichmann Trial Diary: A Chronicle of the Holocaust*. New York: Enigma Books. 256 p.
 89. Mitsilegas V. 2014. Article 49 – Principle of Legality and Proportionality of Criminal Offences and Penalties. – *The EU Charter of Fundamental Rights: A Commentary*. Ed. by S. Peers [et al.]. Oxford; Portland: BECK-Hart-Nomos. P. 1394-1415.
 90. Mohit A. 2006. The Customary Law of International Abductions: Limits and Boundaries. – *Asian Yearbook of International Law*. Vol. 11. P. 123-146.
 91. Mulish H. 2009. *Criminal case 40/61, the of Adolf Eichmann: an Eyewitness Account*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 208 p.
 92. Musmanno M. 1961. *The Eichmann Kommandos*. Philadelphia: Macrae Smith. 288 p.
 93. Mystris D. 2021. *An African Union's Rethinking of International Criminal Justice*. Leiden; Boston: Brill Nijhoff. 328 p.
 94. O'Keefe R. 2015. *International Criminal Law*. Oxford: Oxford University Press. 678 p.
 95. Orakhelashvili A. 2003. Peremptory Norms and reparation for Internationally Wrongful Acts. – *Baltic Yearbook of International Law*. Vol. 3. P. 19-56.
 96. Orakhelashvili A. 2008. *Peremptory Norms in International Law*. Oxford: Oxford University Press. 660 p.
 97. Orakhelashvili A. 2015. Audience and Authority – The Merit of Doctrine. – *Netherlands Yearbook of International Law*. Vol. 46. P. 115-145.
 98. O'Sullivan A. 2017. *Universal Jurisdiction in International Criminal Law: The Debate and Battle for Hegemony*. - London; New York: Routledge. 234 p.
 99. Parvikko T. 2000. Positivists Versus Moralists: The Eichmann Trial and International Law. – *Finnish Yearbook of Political Thought*. Vol. 4. P. 223–50. DOI: <http://doi.org/10.7227/R.4.1.11>
 100. Paulussen C. 2010. *Male Captus Bene Detentus? Surrendering Suspects to the International Criminal Court*. Antwerp: Intersentia. 1195 p.
 101. Pearlman M. 1963. *The Capture and Trial of Adolf Eichmann*. New York: Simon and Schuster. 666 p.
 102. Powderly J. 2011. The Trials of Eichmann, Barbie and Finta. – *Routledge Handbook of International Criminal Law*. Ed. by W. Schabas, N. Bernaz. London; New York: Routledge. P. 33-50.
 103. Pusse H. 2006. The Relationship between International Humanitarian Law and International Criminal Tribunals. – *International Review of the Red Cross*. Vol. 88. No. 861. P. 65-86.
 104. Ragazzi M. 1997. *The Concept of International Obligations Erga Omnes*. Oxford: Clarendon Press. 264 p.
 105. Randall K. 1998. Universal Jurisdiction under International Law. – *Texas Law Review*. Vol. 66. P. 785-810.
 106. Reiss R. H. 1987. The Extradition of John Demjanjuk: War Crimes, Universality Jurisdiction, and the Political Offence Doctrine. – *Cornell International Law Journal*. Vol. 20. Issue 2. P. 281-315.
 107. Reydam L. 2004. *Universal Jurisdiction: International and Municipal Legal Perspectives*. Oxford: Oxford University Press. 286 p. DOI:10.1093/acprof:oso/9780199274260.001.0001
 108. Roht-Arriaza N. 2001. The Pinochet Precedent and Universal Jurisdiction. – *New England Law Review*. Vol. 35. No. 2. P. 311-319.
 109. Rosenbaum E.M. 2012. The Eichmann Case and the Distortion of History. – *Loyola of Los Angeles International & Comparative Law Review*. Vol. 34. P.387-400.
 110. Ryngaert C. 2015. *Jurisdiction in International Law*. Oxford: Oxford University Press. 262 p.
 111. Schabas W. 2012. *Unimaginable Atrocities: Justice, Politics, and Rights at the War Crimes Tribunals*. Oxford: Oxford University Press. 240 p. DOI:10.1093/acprof:oso/9780199653072.001.0001
 112. Schabas W. Retroactive Application of Genocide Convention. – *University of St. Thomas Journal of Law and Policy*. 2010. Vol. 4. N 2. P. 36-59.
 113. Schabas W. 2015. *The European Convention on Human Rights: A Commentary*. Oxford: Oxford University Press. 1308 p.
 114. Scharf M. *Customary International Law in Times of Fundamental Change: Recognizing Croatian Moments*. Cambridge: Cambridge University Press. 2013. 228 p.
 115. Schwabach A., Patchett S.A. 1993. Doctrine or Dictum: The Ker-Frisbie Doctrine and Official Abductions which Breach International Law. – *University of Miami Inter-American Law Review*. Vol. 25. No. 4. P. 20-56.
 116. Schwarzenberger G. 1962. The Eichmann Judgment: An Essay in Censorial Jurisprudence. – *Current Legal Problems*. Vol. 15. Issue 1. P. 248–265. DOI: <https://doi.org/10.1093/clp/15.1.248>
 117. Schlütter B. 2010. *Developments in Customary International Law: Theory and the Practice of the International Court of Justice and the International ad hoc Criminal Tribunals for Rwanda and Yugoslavia*. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers. 370 p.
 118. Shani Y. 2009. The Road to the Genocide Convention and Beyond. – *The UN Genocide Convention: A Commentary*. Ed. by P. Gaeta. Oxford: Oxford University Press. P. 3-26.
 119. Simentić J. 2019. To exclude or not to exclude, that is the question. Developments regarding bases for exclusion from refugee status in the EU. – *German Law Journal*. Vol. 20. Issue 1. P. 111-124. DOI: <https://doi.org/10.1017/glj.2019.5>
 120. Singer I. 2013. Reductio ad Absurdum: The Kapo Trial Judgments' Contribution to International Criminal Jurisprudence and Customary International Law. – *Criminal Law Forum*. Vol. 24. No. 3. P. 235-258.
 121. Söyler Y. 2015. Barcelona Traction davası ve uluslararası hukuka etkisi. – *Gazi Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi*. Vol. XIX. P. 207-247.
 122. Staker K. 2014. Jurisdiction. – *International Law*. Ed. by M. Evans. Oxford: Oxford University Press. P. 289-315.

123. Straschnov A. 1999. The Judicial System in Israel. - *Tulsa Law Journal*. Vol. 34. P.527-535.
124. Tams C. 2005. *Enforcing Obligations Erga Omnes in International Law*. Cambridge: Cambridge University Press. 424 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511494116>
125. Tams C., Tzanakopoulos A. 2010. Barcelona Traction at 40: The ICJ as an Agent of Legal Development. – *Leiden Journal of International Law*. Vol. 33. Issue 4. P. 781-800. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0922156510000361>
126. Tan Y. 2021. *The Rome Statute as Evidence of Customary International Law*. Leiden;Boston: Brill Nijhoff. 488 p.
127. Tanaka Y. 2021. The Legal Consequences of Obligation Erga Omnes in International Law. – *Netherlands International Law Review*. Vol. 68. No.1. P. 1-33. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40802-021-00184-9>
128. *The 1951 Convention Relating to the Status of Refugees and Its 1967 Protocols: A Commentary*. Ed. by A. Zimmermann. 2011. Oxford: Oxford University Press. 1675 p. DOI: 10.1093/actrade/9780199542512.001.0001
129. *The Arc of Due Process in American Constitutional Law*. Ed. by E.T. Sullivan, T.M. Masarro. 2013. Oxford: Oxford University Press. 272 p.
130. *The Law of War Crimes: National and International Approaches*. Ed. by T. MacCormack, G. Simpson. 1997. The Hague: Kluwer Law International. 254 p.
131. *The Nuremberg Trial and International Law*. Ed. by G. Ginsburgs, V.N. Kudriavtsev. 1990. Dordrecht; Boston;London: Martinus Nijhoff Publishers.288 p.
132. *The Oxford Companion to International Criminal Justice*. Ed. by A. Cassese. 2009. Oxford: Oxford University Press. 1096 p.
133. *The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression*. Ed. by S. Barriga, C. Kress and L. Grover. 2012. Cambridge: Cambridge University Press. 835 p.
134. *The United Nations Principles to Combat Impunity: A Commentary*. Ed. by F. Haldemann, T. Unger. 2018. Oxford: Oxford University Press. 471 p. DOI: 10.1093/law/9780198743606.001.0001
135. Thirlway H. 2014. *The Sources of International Law*. Oxford: Oxford University Press. 272 p.
136. Tomuschat Chr. 2006. The Legacy of Nuremberg. – *Journal of International Criminal Justice*. Vol. 4. Issue 4. P. 830-844. DOI: <https://doi.org/10.1093/jicj/mql051>
137. Trunk I. 1972. *Judenrat: The Jewish Council in Eastern Europe Under Nazi Occupation*. Lincoln: University of Nebraska Press. 663 p.
138. Ukabiala N., Pickard D., Yamamoto A. 2021. Erga Omnes Parties before the International Court of Justice: From Standing to the Judgment on the Merits. – *ILSA Journal of International & Comparative Law*. Vol. 27. Issue 2. P. 234-250
139. *Universal Jurisdiction and the Prosecution of Serious Crimes under International Law*. Ed. by S. Macedo. 2004. Pennsylvania: University of Pennsylvania Press. 392 p.
140. Urs P. 2021. Obligations Erga Omnes and the Question Standing before the International Court of Justice. – *Leiden Journal of International Law*. Vol. 34. Issue 2. P. 505-525. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0922156521000091>
141. Van Siedregt E. 2012. *Individual Criminal Responsibility in International Law*. Oxford: Oxford University Press. 330 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199560363.001.0001
142. Vlastic M., De Sousa J. P. 2015. The Use of Force by Private Parties against Suspect Pirates. – *Prosecuting Maritime Piracy: Domestic Solution to International Crimes*. Ed. by M. Scharf, M. Newton, M. Sterio. Cambridge: Cambridge University Press. P. 119-149.
143. Webb P. 2020. House of Lords, Judgment, R. v Bow Street Metropolitan Stipendiary Magistrate, Ex Parte Pinochet Ugarte (Amnesty International Intervening) (No 3), 1999. - *British Contribution to International Law (1915-2015)*. Ed. by J. Barrett, J.-P. Gauci. Leiden;Boston: Martinus Nijhoff Publishers. P. 1539-1560.
144. Weitz Y. 2009. In the Name of Six Million Accusers: Gideon Hausner as Attorney General and His Place in the Eichmann Trial. – *Israel Studies*. Vol.14. No. 2. P. 26-49.
145. Wenig J.M. 1997. Enforcing the Lessons of History: Israel Judges the Holocaust. – *The Law of War Crimes: National and International Approaches*. The Hague/Boston/London: Kluwer Law International. P. 103-122.
146. Wilson R. 2006. A History of the Role of Defense Counsel in International Criminal and War Crimes Tribunals. – *Defenses in International Criminal Proceedings*. Ed. by M. Bohlander, R. Boed, R. Wilson. New York: Transnational Publishers. P. 31-66.
147. Woodhouse D. 2000. *The Pinochet Case: A Legal and Constitutional Analysis*. Oxford: Hart Publishing. 304 p.
148. Wright Q. 1947. The Law of the Nuremberg Trial. – *American Journal of International Law*. Vol. 41. Issue 1. P. 38-72. DOI: <https://doi.org/10.2307/2193853>
149. Yablonka H., Tlamim M. 2003. The Development of Holocaust Consciousness in Israel: The Nuremberg, Kapos, Kastner, and Eichmann Trial. – *Israel Studies*. Vol. 8. No. 3. P. 1-24.

References

1. Ambos K. *Treatise of International Criminal Law. Vol.I: Foundations and General Part*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press. 2021. 656 p. DOI: 10.1093/law/9780199657926.001.0001
2. Annacker C. The Legal Regime of Erga Omnes Obligations in International Law. – *Austrian Journal of Public and International Law*. 1994. Vol. 46. No. 2. P. 131-166.
3. Arendt H. *Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil*. New York: The Viking Press.1963. 275 p.
4. *Argentine Jews or Jewish Argentines? Essays of Ethnicity, Identity, and Diaspora*. Ed. by R. Rein. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers. 2010.312 p.
5. *Asia: Middle East Record*. Vol. 1. Ed. by Y. Oron. London: Weidenfeld & Nicolson. 1962. 582 p.
6. Bach G. Genocide (Holocaust) Trials in Israel. – *The Nuremberg Trials: International Criminal Law Since 1945: 60th Anniversary International Conference*. Ed. by H.R. Reginbogin, C. Safferling, W. de Gruyter. München: K.G. Sauer Verlag GmbH. 2011. P. 216-223.
7. Baker b., Röben V. To Abduct or to Extradite: Does a Treaty Beg the Question?. – *Heidelberg International Law Journal*. 1993. Vol. 53. P. 657-688.
8. Bassiouni C. International Crimes: Jus Cogens and Obligatio Erga Omnes. – *Law and Contemporary Problems*. 1996. Vol. 59. No. 4. P. 63-74.
9. Bassiouni C. *Crimes against Humanity: Historical Evolution and Contemporary Application*. Cambridge: Cambridge University Press. 2011. 884 p.
10. Bassiouni C. *Crimes against Humanity in International Criminal Law*. 2nd ed. The Hague: Kluwer Law International. 1999. 652 p.
11. Bassiouni C. *International Extradition: United States Law*

- and Practice. 6th ed. Oxford: Oxford University Press. 2014. 1233 p.
12. Bazylar M.J., Tuerkheimer F.M. *Forgotten Trial of the Holocaust*. New York: New York University Press. 2014. 390 p.
 13. Bazylar M. J. *Holocaust, Genocide, and the Law: A Quest for Justice in a Post-Holocaust World*. Oxford: Oxford University Press. 2016. 281 p. DOI:10.1093/acprof:oso/9780195395693.001.0001
 14. Bazylar M.J., Scheppach J.Y. The Strange and Curious History of the Law Used to Prosecute Adolf Eichmann. – *Loyola of Los Angeles International & Comparative Law Review*. 2012. Vol. 34. P. 417-461.
 15. Beigbeder Y. *International Justice against Impunity: Progress and New Challenges*. Boston; Leiden: Martinus Nijhoff. 2005. 247 p.
 16. Ben-Naftali O., Tuval Y. Punishing International Crimes Committed by the Persecuted: The Kapo Trials in Israel (1950-1960). – *Journal of International Criminal Justice*. 2006. Vol. 4. No. 1. P. 128-178.
 17. Bilsky L. The Eichmann trial: Towards a jurisprudence of eyewitness testimony of atrocities. – *Journal of International Criminal Justice*. 2014. Vol. 12. No. 1. P. 27-57.
 18. Bilsky L., Klagsburn R. Cultural Genocide: Between Law and History. – *The Oxford Handbook of Legal History*. Ed. by M. D. Dubber and Chr.Tomlins. Oxford: Oxford University Press. 2018. P. 1081-1094. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198794356.013.58
 19. Bond J. Principled Exclusion: A Revised Approach to Article1(F)(a) of the Refugee Convention. – *Michigan Journal of International Law*. 2013. Vol. 35. Issue 1. P. 15-78.
 20. Bradley M. Jus Cogens' Preferred Sister: Obligations Erga Omnes and the International Court of Justice – Fifty Years after the Barcelona Traction. – *Peremptory Norms of General International Law (Jus Cogens): Disquisitions and Disputations*. Ed. by D. Tladi. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers. 2021. P. 193-226. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004464124_009
 21. Brown A. *Judging "Privileged" Jews: Holocaust Ethics, Representation and the "Grey Zone"*. New York: Berghahn. 2015. 222 p.
 22. Bryant M. Eichmann in Jerusalem and in West Germany: Eichmann Trial Witnesses and the West German Prosecution of Operation Reinhard Crimes, 1958–1966. – 2012. *Loyola of Los Angeles International & Comparative Law Review*. Vol.34. P. 339-385
 23. Cassese A. 2009. Eichmann: Is Evil So Banal? – *Journal of International Criminal Justice*. Vol. 7. Issue No. 3. P. 645-652.
 24. *Cassese's International Criminal Law*. 3rd ed. Ed. by A. Cassese [et. al.]. Oxford: Oxford University Press. 2013. 472 p.
 25. Carlisle J. Extradition of Governments Agents as Municipal Law Remedy for state-Sponsored Kidnapping. – *California Law Review*. 1993. Vol. 81. Issue.6. P. 1541-1586.
 26. Chernichenko S.V. Maksima "pravo ne vznikaet iz pravonarusheniya" i smenyaemost' imperativnykh norm mezhdunarodnogo prava [The Maxim "Law does not arise from the Violation of Law" and the Modification of Peremptory Norms]. – *Pravovedenie*. 2018. No. 1.P. 6-19. (In Russ.)
 27. Cimiotta E. The Relevance of Erga Omnes Obligations in Prosecuting of International Crimes. – *Heidelberg Journal of International Law*. 2016. Vol. 76. P. 687-713.
 28. Colangelo A. Constitutional Limits on Extraterritorial Jurisdiction: Terrorism and the Intersection of National and International Law. – *Harvard International Law Journal*. 2007. Vol. 48. No. 1. P. 121-201.
 29. Cowles W.B. Universality of Jurisdiction over War Crimes. – *California Law Review*. 1945. Vol. XXXIII. N 2. P. 177-218.
 30. Criddle E. Standing for Human Rights Abroad. – *Cornell Law Review*. 2013. Vol. 100. P. 269-333.
 31. Cryer R. *Prosecuting International Crimes: Selectivity and the International Criminal Law Regime*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 347 p.
 32. Cwik Chr. 2009. The other Immigration to Argentina: The Case of Adolf Eichmann. – *Clio América*. Vol. 3. Issue 5. P. 85-103.
 33. Czaplinski W. Concepts of Jus Cogens and Obligations Erga Omnes in International Law in the Light of Recent Developments. – *Polish Yearbook of International Law*. 1999. Vol. 23. P. 87-97.
 34. Detter I. *The Law of War*. 3rd ed. – London; New York: Routledge. 2016. 568 p.
 35. De Vet E. Invoking Obligations Erga Omnes in the Twenty-First Century: Progressive Developments since Barcelona Traction. – *South African Yearbook of International Law*. 2013. Vol. 38. P. 1-19
 36. Dinstein Y. The Universality Principle and War Crimes. – *International Law Studies*. 1998. Vol. 71. P. 17-37.
 37. Douglas L. The Memory of Judgment: Making Law and History in the Trials of the Holocaust. New Haven and London: Yale University Press. 2011. 318 p.
 38. Drumbl M. Victims who Victimise. – *London Review of International Law*. 2016. Vol. 4. Issue 2. P. 217-247. DOI: <https://doi.org/10.1093/lril/lrw015>
 39. Feldestein A. *Ben-Gurion, Zionism and American Jewry: 1948-1963*. London: Routledge. 2006. 240 p.
 40. Ferdinandusse W.N. *Direct Application of International Criminal Law in National Courts*. The Hague: T.M.C. Asser Press. 2006. 338 p.
 41. Forlati S. Azioni dinanzi alla Corte internazionale di giustizia rispetto a violazioni di obblighi erga omnes. – *Rivista di diritto internazionale*. 2001. No. 1. P. 69-109.
 42. Fournet C. *The Crime of Destruction and the Law of Genocide: Their Impact on Collective Memory*. Aldershot: Ashgate Publishing. 2007. 175 p.
 43. Fox F. The Pinochet Case No. 3. – *The International and Comparative Law Quarterly*. 1999. Vol. 48. Issue 3. P. 687-702.
 44. Friedman J. Arendt in Jerusalem, Jackson at Nuremberg: Presuppositions of the Nazi War Crimes Trials. – *Israel Law Review*. 1994. Vol. 28. Issue 4. P. 601-625. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0021223700011778>
 45. Frilling T. A. *Jewish Kapo in Auschwitz: History, Memory, and the Politics of Survivor*. Waltham: Brandeis University Press. 2014. 340 p.
 46. Garrod M. The Protective Principle of Jurisdiction Over War Crimes and Hollow Concept of Universality. – *International Criminal Law Review*. 2012. Vol. 12. No. 5. P. 763-826.
 47. Glotova S. V. Prestupleniya protiv chelovechnosti: genesis i sovremennoe ponimanie kontseptsii [Crimes against Humanity: genesis and modern general international law]. – *Zhurnal zarubezhnogo i sravnitel'nogo zakonodatel'stva*. 2016. No. 3. P. 101-109. (In Russ.)
 48. Grabenwater C. *European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms: Commentary*. Oxford; Portland: C.H. Beck; Nomos; Hart. 2014. 600 p.
 49. Green L. The Eichmann Case. – *Modern Law Review*. 1960. Vol. 23. P. 507-515.
 50. Green L. The Maxim Nullum Crimen Sine Lege and the Eichmann Trial. – *British Yearbook of International Law*.

1963. Vol. 38. P. 457-471.
51. Hall C. K. Universal Jurisdiction: New Uses for an Old Tool. – Justice for Crimes against Humanity. Ed. by M. Lattimer and P. Sands. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing. 2006. P. 47-72.
 52. Hall C. K. Contemporary Universal Jurisdiction.- Human Rights and Criminal Justice for Downtrodden: Essays in Honour of Asbjorn Eide.- Ed. by M. Bergsmo. Leiden/Boston: Martinus Nijhoff Publishers. 2003. P. 111-138.
 53. Harel I. *The House on Garibaldi Street*. London: Routledge. 1975. 287 p.
 54. Harris D. J. *Cases and Materials on International Law*. London: Sweet&Maxwell. 1998. 779 p.
 55. *Hierarchy in International Law: The Place of Human Rights*. Ed. by E. de Wet, J. Vidmar. Oxford: Oxford University Press. 2012. 330 p. DOI: DOI:10.1093/acprof:oso/9780199647071.001.0001
 56. *Human Rights and Criminal Justice for the Downtrodden: Essays in Honour of Asbjørn Eide*. Ed. by M. Bergsmo. Leiden;Boston: Martinus Nijhoff Publishers. 2003. 825 p.
 57. Inazumi M. *Universal Jurisdiction in Modern International Law*. Utrecht: Intersentia. 2005. 274 p.
 58. Iraola R. Jurisdiction, Treaties, and Due Process. – *Buffalo Law Review*. 2011. Vol. 59. No. 3. P. 693-714.
 59. Ireland-Piper D. *Accountability in Extraterritoriality: A Comparative and International Law Perspective*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 2017. 208 p.
 60. Jaspers K. Who Should Have Tried Eichmann? – *Journal of International Criminal Justice*. 2006. Vol. 4. No. 4. 853-858.
 61. Jockusch L. Prosecuting “Crimes against Jewish People”: The Eichmann Trial and the History of a Legal Concept. – *Eichmann Trial Reconsidered*. Ed. by R. Wittmann. Toronto: University of Toronto Press. 2021. P. 75-103.
 62. Kelsen H. Collective and Individual Responsibility in International Law with Particular Regard to Punishment of War Criminals. – *California Law Review*. 1943. Vol. 31. No. 5. P. 530-571.
 63. Kelsen H. *General Theory of State and Law*. Cambridge: Harvard University Press. 1945. 516 p.
 64. Keren M. Ben-Gurion’s Theory of Sovereignty: The Trial of Adolf Eichmann. – *David Ben-Gurion: Politics and Leadership in Israel*. Ed. by R.W. Zweig. New York: Routledge. 1991. P. 38-51.
 65. Kittichaisree K. *The Obligation to Extradite or Prosecute*. Oxford: Oxford University Press. 2018. 400 p.
 66. Kittrie N. A Post Mortem of the Eichmann Case - The Lessons for International Law. – *Journal of Criminal Law and Criminology*. 1964. Vol. 55. No.1. P. 16-28.
 67. Kolb R. Théorie du Jus Cogens International. – *Revue Belge de Droit Internationale*. 2003. Vol. 36. No. 1. P. 5-55.
 68. Koskenniemi M. Between Impunity and Show Trial. – *Max Planck Yearbook of UN Law*. 2002. Vol. 6. P. 1-21.
 69. Kovac M.A. Apprehension of War Crimes Indictees: Should the United Nations’ Courts Outsource Private Actors to Catch Them?. – *Catholic University Law Review*. 2002. Vol. 51. No. 2. P. 619-653.
 70. Kress C. Universal Jurisdiction over International Crimes and the Institute de droit International. – *Journal of International Criminal Justice*. 2006. Vol. 4. No. 3. P. 561–585.
 71. Lagerwall A. *Le principe ex injuria jus non obitur en droit international*. Bruxelles: Bruylant. 2016. 634 p.
 72. Landis K.T. The Seizure of Noriega: A challenge Ker-Frisbie Doctrine. – *American University International Law and Policy Journal*. 1991. Vol. 6. Issue 4. P. 571-607.
 73. Landsman S. The Eichmann Case and the Invention of the Witness-Driven Atrocity Trial. – *Columbia Journal of Transnational Law*. 2012. Vol. 51. No. 1. P. 77-87.
 74. Lasok D. The Eichmann Trial. – *International & Comparative Law Quarterly*. 1962. Vol. 11. Issue 2. P. 355- 374. DOI: <https://doi.org/10.1093/iclqaj/11.2.355>
 75. Lepard B. *Customary International law: A New Theory with Practical Application*. Cambridge: Cambridge University Press. 2010. 440 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511804717>
 76. Linton S. 2009. The Role of Judges in Dealing with the Legacies of the Past. - *The Global Community Yearbook of International Law and Jurisprudence*. 2009. Vol. I. New York: Oceana. P. 203-248.
 77. Lippert D. The Eichmann Case and the Nuremberg Trials. – *American Bar Association Journal*. 1962. Vol. 48. No. 8. P. 738-741.
 78. Lippman M. Genocide: The Trial of Adolf Eichmann and the Quest for Global Justice. – *Buffalo Human Rights Law Review*. 2002. Vol. 8. P. 45-121.
 79. Liskofsky S. The Eichmann Case. – *The American Jewish Year Book*. 1961. Vol. 62. P. 199-208.
 80. Longerich P. *Holocaust: The Nazi Persecution and Murder of the Jews*. Oxford: Oxford University Press. 2010. 645 p.
 81. Macoto S. Expanding the Scope of Universal Jurisdiction through Municipal Law: From Piracy to the Crime of Aggression via Eichmann Trial. – *Historical Origins of International Criminal Law: Vol. 4*. Ed. by M. Bergsmo [et. al.] Oslo: Torkel Opsahl Academic EPublisher. 2015. P. 339-366.
 82. Mann I. 2010. The Dual Foundation of Universal Jurisdiction: Towards a Jurisprudence for the “Court of Critique”. – *Transnational Legal Theory*. Vol. 1. Issue 4. P. 485-521.
 83. Maogoto J. The Work of National Military Tribunals under Control Council Law 10. – *The Legal Regime of the International Criminal Court: Essays in Honour of Professor Igor Blishchenko*. Ed. by J. Doria, H.-P. Gasser, C. Basiouni. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers. 2009. P. 51-62. DOI: <https://doi.org/10.1163/ej.9789004163089.i-1122.21>
 84. Minerbi S. *The Eichmann Trial Diary: A Chronicle of the Holocaust*. New York : Enigma Books. 2011. 256 p.
 85. Mitsilegas V. Article 49 – Principle of Legality and Proportionality of Criminal Offences and Penalties. – *The EU Charter of Fundamental Rights: A Commentary*. Ed. by S. Peers [et al.]. Oxford; Portland: BECK-Hart-Nomos.2014. P. 1394-1415.
 86. Mohit A. The Customary Law of International Abductions: Limits and Boundaries. – *Asian Yearbook of International Law*. 2006. Vol. 11. P. 123-146.
 87. Mulish H. *Criminal case 40/61, the of Adolf Eichmann: an Eyewitness Account*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 2009. 208 p.
 88. Musmanno M. *The Eichmann Kommandos*. Philadelphia : Macrae Smith. 1961. 288 p.
 89. Mystris D. *An African Union’s Rethinking of International Criminal Justice*. Leiden; Boston: Brill Nijhoff. 2021. 328 p.
 90. O’Keefe R. *International Criminal Law*. Oxford: Oxford University Press. 2015. 678 p.
 91. Orakhelashvili A. Peremptory Norms and reparation for Internationally Wrongful Acts. – *Baltic Yearbook of International Law*. 2003. Vol. 3. P. 19-56.
 92. Orakhelashvili A. *Peremptory Norms in International Law*. Oxford: Oxford University Press. 2008. 660 p.
 93. Orakhelashvili A. Audience and Authority – The Merit of Doctrine. – *Netherlands Yearbook of International Law*. 2015. Vol. 46. P. 115-145.
 94. O’Sullivan A. *Universal Jurisdiction in International Criminal*

- Law: The Debate and Battle for Hegemony*. London; New York: Routledge. 2017. 234 p.
95. Parvikko T. Positivists Versus Moralists: The Eichmann Trial and International Law. – *Finnish Yearbook of Political Thought*. 2000. Vol. 4. P. 223–50. DOI: <http://doi.org/10.7227/R.4.1.11>
 96. Paulussen C. *Male Captus Bene Detentus? Surrendering Suspects to the International Criminal Court*. Antwerp: Intersentia. 2010. 1195 p.
 97. Pearlman M. *The Capture and Trial of Adolf Eichmann*. New York: Simon and Schuster. 1963. 666 p.
 98. Powderly J. The Trials of Eichmann, Barbie and Finta. – *Routledge Handbook of International Criminal Law*. Ed. by W. Schabas, N. Bernaz. London; New York: Routledge. 2011. P.33-50.
 99. Pusse H. The Relationship between International Humanitarian Law and International Criminal Tribunals. – *International Review of the Red Cross*. 2006. Vol. 88. No. 861. P. 65-86.
 100. Ragazzi M. *The Concept of International Obligations Erga Omnes*. Oxford: Clarendon Press. 1997. 264 p.
 101. Randall K. Universal Jurisdiction under International Law. – *Texas Law Review*. 1998. Vol. 66. P. 785-810.
 102. Reiss R. H. The Extradition of John Demjanjuk: War Crimes, Universality Jurisdiction, and the Political Offence Doctrine. – *Cornell International Law Journal*. 1987. Vol. 20. Issue 2. P. 281-315.
 103. Reydams L. *Universal Jurisdiction: International and Municipal Legal Perspectives*. Oxford: Oxford University Press. 2004. 286 p. DOI:10.1093/acprof:oso/9780199274260.001.0001
 104. Roht-Arriaza N. The Pinochet Precedent and Universal Jurisdiction. – *New England Law Review*. 2001. Vol. 35. No. 2. P. 311-319.
 105. Rosenbaum E.M. The Eichmann Case and the Distortion of History. – *Loyola of Los Angeles International & Comparative Law Review*. 2012. Vol. 34. P.387-400.
 106. Ryngaert C. *Jurisdiction in International Law*. Oxford: Oxford University Press. 2015. 262 p.
 107. Safarov N.A. *Ekstraditsiya v mezhdunarodnom ugolovnom prave: problemy teorii i praktiki* [Extradition in International Criminal Law: problems of theory and practice] Moscow: Wolters Kluwer. 2005. 415 p. (In Russ.)
 108. Safarov N.A. Nasil'stvennoe pokhishchenie obvinyemykh: teoriya i praktika zapadnoi yurisprudentsii [Forced Abduction: theory and practice of western jurisprudence]. – *Rossiiskii ezhegodnik ugolovnogo prava* [Russian Yearbook of Criminal Law]. 2006. No. 1. P. 392-410. (In Russ.)
 109. Safarov N.A. Presledovanie mezhdunarodnykh prestuplenii: universal'naya yurisdiksiya protiv diplomaticheskogo immuniteta [Prosecution of International Crimes: Universal Jurisdiction versus Diplomatic Immunity]. – *Gosudarstvo i pravo*. 2011. N 9. P. 81-92. (In Russ.)
 110. Schabas W. Retroactive Application of Genocide Convention. – *University of St. Thomas Journal of Law and Policy*. 2010. Vol. 4. N 2. P. 36-59.
 111. Schabas W. *Unimaginable Atrocities: Justice, Politics, and Rights at the War Crimes Tribunals*. Oxford: Oxford University Press. 2012. 240 p. DOI:10.1093/acprof:oso/9780199653072.001.0001
 112. Schabas W. *The European Convention on Human Rights: A Commentary*. Oxford: Oxford University Press. 2015. 1308 p.
 113. Scharf M. *Customary International Law in Times of Fundamental Change: Recognizing Croatian Moments*. Cambridge: Cambridge University Press. 2013. 228 p.
 114. Schwabach A., Patchett S.A. Doctrine or Dictum: The Ker-Frisbie Doctrine and Official Abductions which Breach International Law. – *University of Miami Inter-American Law Review*. 1993. Vol. 25. No. 4. P. 20-56.
 115. Schwarzenberger G. The Eichmann Judgment: An Essay in Censorial Jurisprudence. – *Current Legal Problems*. 1962. Vol. 15. Issue 1. P. 248–265. DOI: <https://doi.org/10.1093/clp/15.1.248>
 116. Sclütter B. *Developments in Customary International Law: Theory and the Practice of the International Court of Justice and the International ad hoc Criminal Tribunals for Rwanda and Yugoslavia*. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers. 2010. 370 p.
 117. Shani Y. The Road to the Genocide Convention and Beyond. – *The UN Genocide Convention: A Commentary*. Ed. by P. Gaeta. Oxford: Oxford University Press. 2009. P. 3-26.
 118. Simentić J. To exclude or not to exclude, that is the question. Developments regarding bases for exclusion from refugee status in the EU. – *German Law Journal*. 2019. Vol. 20. Issue 1. P. 111-124. DOI: <https://doi.org/10.1017/glj.2019.5>
 119. Singer I. Reductio ad Absurdum: The Kapo Trial Judgments' Contribution to International Criminal Jurisprudence and Customary International Law. – *Criminal Law Forum*. 2013. Vol. 24. No. 3. P. 235-258.
 120. Söyler Y. Barcelona Traction davası ve uluslararası hukuka etkisi. – *Gazi Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi*. 2015. Vol. XIX. P. 207-247.
 121. Staker K. Jurisdiction. – *International Law*. Ed. by M. Evans. Oxford: Oxford University Press. 2014. P. 289-315.
 122. Straschnov A. The Judicial System in Israel. – *Tulsa Law Journal*. 1999. Vol. 34. P.527-535.
 123. Tams C. *Enforcing Obligations Erga Omnes in International Law*. Cambridge: Cambridge University Press. 2005. 424 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511494116>
 124. Tams C., Tzanakopoulos A. Barcelona Traction at 40: The ICJ as an Agent of Legal Development. – *Leiden Journal of International Law*. 2010. Vol. 33. Issue 4. P. 781-800. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0922156510000361>
 125. Tanaka Y. The Legal Consequences of Obligation Erga Omnes in International Law. – *Netherlands International Law Review*. 2021. Vol. 68. No.1. P. 1-33. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40802-021-00184-9>
 126. Tan Y. *The Rome Statute as Evidence of Customary International Law*. Leiden; Boston: Brill Nijhoff. 2021. 488 p.
 127. *The 1951 Convention Relating to the Status of Refugees and Its 1967 Protocols: A Commentary*. Ed. by A. Zimmermann. Oxford: Oxford University Press. 2011. 1675 p. DOI: 10.1093/actrade/9780199542512.001.0001
 128. *The Arc of Due Process in American Constitutional Law*. Ed. by E.T. Sullivan, T.M. Masarro. Oxford: Oxford University Press. 2013. 272 p.
 129. *The Law of War Crimes: National and International Approaches*. Ed. by T. MacCormack, G. Simpson. The Hague: Kluwer Law International. 1997. 254 p.
 130. *The Nuremberg Trial and International Law*. Ed. by G. Ginsburgs, V.N. Kudriavtsev. Dordrecht; Boston; London: Martinus Nijhoff Publishers. 1990. 288 p
 131. *The Oxford Companion to International Criminal Justice*. Ed. by A. Cassese. Oxford: Oxford University Press. 2009. 1096 p.
 132. *The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression*. Ed. by S. Barriga, C. Kress and L. Grover. Cambridge: Cambridge University Press. 2012. 835 p.

133. *The United Nations Principles to Combat Impunity: A Commentary*. Ed. by F. Haldemann, T. Unger. Oxford: Oxford University Press. 2018. 471 p. DOI: 10.1093/law/9780198743606.001.0001
134. Thirlway H. *The Sources of International Law*. Oxford: Oxford University Press. 2014. 272 p.
135. Tomuschat C. The Legacy of Nuremberg. – *Journal of International Criminal Justice*. 2006. Vol. 4. N 4. P. 830-844. DOI: <https://doi.org/10.1093/jicj/mql051>
136. Trunk I. *Judenrat: The Jewish Council in Eastern Europe Under Nazi Occupation*. Lincoln: University of Nebraska Press. 1972. 663 p.
137. Ukabiala N., Pickard D., Yamamoto A. Erga Omnes Parties before the International Court of Justice: From Standing to the Judgment on the Merits. – *ILSA Journal of International & Comparative Law*. 2021. Vol. 27. Issue 2. P. 234-250.
138. *Universal Jurisdiction and the Prosecution of Serious Crimes under International Law*. Ed. by S. Macedo. Pennsylvania: University of Pennsylvania Press. 2004. 392 p.
139. Urs P. Obligations Erga Omnes and the Question Standing before the International Court of Justice. – *Leiden Journal of International Law*. 2021. Vol. 34. Issue 2. P. 505-525. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0922156521000091>
140. Van Siedregt E. *Individual Criminal Responsibility in International Law*. Oxford: Oxford University Press. 2012. 330 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199560363.001.0001
141. Vlasic M., De Sousa J. P. The Use of Force by Private Parties against Suspect Pirates. – *Prosecuting Maritime Piracy: Domestic Solution to International Crimes*. Ed. by M. Scharf, M. Newton, M. Sterio. Cambridge: Cambridge University Press. 2015. P. 119-149.
142. Webb P. House of Lords, Judgment, R. v Bow Street Metropolitan Stipendiary Magistrate, Ex Parte Pinochet Ugarte (Amnesty International Intervening) (No 3), 1999. – *British Contribution to International Law (1915-2015)*. Ed. by J. Barrett, J.-P. Gauci. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers. 2020. P. 1539-1560.
143. Wenig J.M. 1997. Enforcing the Lessons of History: Israel Judges the Holocaust. – *The Law of War Crimes: National and International Approaches*. The Hague/Boston/London: Kluwer Law International. P. 103-122.
144. Weitz Y. In the Name of Six Million Accusers: Gideon Hausner as Attorney General and His Place in the Eichmann Trial. – *Israel Studies*. 2009. Vol. 14. No. 2. P. 26-49.
145. Wilson R. A History of the Role of Defense Counsel in International Criminal and War Crimes Tribunals. – *Defenses in International Criminal Proceedings*. Ed. by M. Bohlander, R. Boed, R. Wilson. New York: Transnational Publishers. 2006. P. 31-66.
146. Woodhouse D. *The Pinochet Case: A Legal and Constitutional Analysis*. Oxford: Hart Publishing. 2000. 304 p.
147. Wright Q. The Law of the Nuremberg Trial. – *American Journal of International Law*. 1947. Vol. 41. Issue 1. P. 38 – 72. DOI: <https://doi.org/10.2307/2193853>
148. Yablonka H., Tlamim M. The Development of Holocaust Consciousness in Israel: The Nuremberg, Kapos, Kastner, and Eichmann Trial. – *Israel Studies*. 2003. Vol. 8. No. 3. P. 1-24.
149. Zvyagintsev A. G. *Nyurnbergskii nabat: reportazh iz proshlogo, obrashchenie k budushchemu* [Nuremberg alarm: reportage from the past, looking to the future]. Moscow: OLMA Media Grup Publ. 2006. 1120 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Низами Абдуллаевич Сафаров,

Доктор юридических наук, Национальное Собрание Азербайджанской Республики

AZ 1152, Азербайджанская Республика, Баку, Парламентский проспект, д. 1

nizami.s@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-4763-4337

About the Author

Nizami A. Safarov,

Doctor of Judicial Sciences, National Assembly of the Republic of Azerbaijan

1, Parlamentskii prospect, Baku, the Republic of Azerbaijan, AZ 1152

nizami.s@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-4763-4337